Иной мир. Начало

Автор:
Никита Шарипов

Иной мир. Начало

Никита Эдуардович Шарипов

Кирилл Николаевич Водинов

Иной мир

Великая война окончена. Ценой невероятной жертвы Советский Союз отстоял свое право на существование и принялся строить новое будущее. Но враг не повержен окончательно и капитан КГБ Юрий Егоров продолжает свою борьбу с остатками фашистской нечисти затаившейся на земле.

Во время очередного задания Егорову приоткрывается завеса ужасной тайны. Остатки Третьего Рейха не были уничтожены. Идеологической верхушке удалось спрятаться в тайном месте, которое они называли Иным миром. Миром опасным и надежно скрытом от жителей планеты Земля.

Выбора у советского контрразведчика нет. Берегитесь фашисты – СМЕРШ идет за вами!

Никита Шарипов, Кирилл Николаевич Водинов

Иной мир. Начало

Глава 1

Убегая из терпящей крах Нацистской Германии шесть лет назад, в марте сорок пятого, Йозеф Хауэр хотел лишь одного – спрятаться. И приложил для этого максимально возможное количество усилий.

Человек, имеющий звание группенфюрера, и относящийся к войскам СС, автоматически получал много власти. Крупицу от того, что имел фюрер, но если взять в сравнение обычного человека, то крупица автоматически становилась чем-то огромным.

Группенфюрер Йозеф Хауэр был умным человеком и сделал главный вывод зимой сорок третьего. В то время он был оберфюрером и собственными глазами наблюдал, как русские ломали хребет Третьего Рейха.

Сталинградская битва была переломным моментом. По крайней мере, лично для Йозефа. Русские, такие же как и все остальные люди, но при этом сделанные словно из стали, заложилили зерно сомнения в голову Хауэра ещё под Москвой, в сорок первом. Они не хотели отдавать столицу, стояли за ней не на жизнь, а на смерть, и добились своего – отстояли.

А после показали, что могут быть настоящими дьяволами. Сталинград до конца жизни останется в памяти как что-то невозможное, невообразимо страшное, нечеловеческое. Там Йозеф Хауэр впервые узнал, каков на самом деле неконтролируемый страх. Там он первый раз в жизни убегал без оглядки. И это было лишь начало долгого бегства…

Собрать много золота, главной валюты мира, а также пару десятков верных людей, которые пойдут за тобой хоть на край света – всё это было задумано в аду, что случился под Сталинградом. У Йозефа Хауэра было не так много времени, всего каких-то два с небольшим хвостиком года. С первой частью задуманного он справился блестяще, множество раз переступал через себя, но дослужился до группенфюрера, потому что именно это звание в СС давало ему нужное колличество власти.

Золото – тот самый манящий и такой желанный драгоценный металл, который вывел из ума немыслимое множество, и продолжает выводить по сей день. Ворованное, отнятое силой, вымоченное в крови – всё золото, добытое нацистами, должно было пойти на благо, помочь победить Советский Союз,

пойти на оплату всего, что требует война. Но не всё золото доходило до нужного места, его огромная часть терялась, и некоторое количество той части, самый мизер от целого, достался Йозефу Хауэру. Украденного количества, по расчётам умного вора, должно было хватить минимум на три жизни.

Обеспечив себе безбедное существование, Йозеф Хауэр не был рад, потому что со второй частью задуманного справиться не сумел. Людей, которые будут верны просто так, он не нашёл. Понимая собственную наивность, решил действовать проще – купил верность.

На момент побега из бьющегося в предсмертных конвульсиях Третьего Рейха у Хауэра было всё, кроме одного – уверенности в завтрашнем дне. И полтора десятка элитных эсэсовцев, которые бежали вместе с ним, той уверенности не прибавляли.

Шесть лет прошли быстро, будто несколько дней, и всё это время Йозефа не покидало ощущение, что он сидит на пороховой бочке, фитиль которой уже зажжен. Обиднее всего для Хауэра было понимание – он сам лично зажег тот фитиль, когда по собственной воле встал на путь нацизма. Случившегося не воротишь.

Зима пятьдесят первого стала для Йозефа последней – бикфордов шнур догорел незадолго до нового года и бочка с порохом взорвалась.

– Золото, верные люди, побег в Южную Америку, прыжки с места на место, вечная боязнь возмездия… Хауэр, почему ты не рад? Всё наконец-то кончится, и это случится сегодня, осталось потерпеть совсем немного. Я рождён освобождать, и я освобожу тебя!

Смерть пришла и смело смотрит Йозефу в глаза. Она молода, ей от силы двадцать с чем-то лет, находится в теле наглого парня, который говорит на немецком столь идеально, словно родился и до сегодняшнего дня жил в Берлине. Нет, этот человек, чью голову украшают длинные пепельные волосы, чья кожа слишком бела, и чей голос так красив… Этот человек точно не может быть русским. И он наверняка не еврей. Арийская кровь, в этом наглом мальчишке она точно есть, её там очень много. Самое страшное – этот арий не мешкая проливает кровь таких же, как он. Он убивает всех, кто причастен.

– Так и будешь смотреть на меня взглядом ягнёнка, попавшего в клетку к волку, Йозеф? Победи свои страхи, воспрянь духом, покажи былую твердость и жестокость, попытайся убить меня! Не будь трусом, в которого тебя превратили эти шесть лет! Если ты так хочешь, то я помогу тебя, спровоцирую, надавлю на больное. Жалкий трус, хочешь ли ты услышать, как поживает твоя семья? Интересно ли тебе, что стало с твоими дочерьми? А с жёнушкой? Увы, но судьбу жены твоего тёзки, министра пропаганды Гебельса, фрау Хауэр повторять не стала. Магда Геббельс была фанатиком, как и ее муженёк, и они без труда полакомились цианидом. Ты, мой милый Йозеф Хауэр, фанатиком никогда не был. Всё, что тебя интересовало – это деньги. С твоей женой ситуация аналогична, но с небольшим дополнением, она была падка не только на деньги, но и на мужские достоинства, которые затем без труда пускала в себя.

Терпеть, не поддаваться, мальчишка действует по сценарию, у него такая работа. Единственный способ остаться в живых в данной ситуации – понять, что он хочет, разгадать его, а затем переиграть. Йозеф умён, он выкручивался из множества плохих ситуаций, сможет выкрутиться и из этой. Его окружение не выжило, зеленоглазый дьявол убил всех, сделал это за две с небольшим недели, показав нечеловеческую выдержку, ум, и жестокость. Такой просто не имеет права жить, такого нужно остановить любой ценой. Йозеф остановит. Пока не знает, как, но остановит…

Семнадцать дне й – ровно столько прошло с момента первого убийства. Дитер Альберт был найден мёртвым в собственной ванной. Обезглавленное тело убийца привязал сидящим к унитазу, гениталии бросил в аквариум, в гостиной написал на зеркале кровью “Смерть пришла”. А вот голову… Что стало с головой штандартенфюрера осталось неизвестно. В тот день Йозеф Хауэр и все его люди, когда-то имевшие прямое отношение к фашизму, поняли, что хорошее время закончилось.

Спустя ещё двое суток убийца снова явил себя, никак не отреагировав на тщательно усиленную охрану. Собак и аборигенов убивать не стал, просто усыпил, а вот Леонарда Херца и Шанталь Шмиц не пощадил. Оберфюрер и его любовница были крепко привязаны к друг другу, вынесены на детскую площадку, подвешены за ноги, облиты бензином и сожжены. Леонард и Шанталь умерли жуткой смертью, так и не дождавшись первенца, о котором мечтали долгих десять лет. В тот день убийца показал свою абсолютную безжалостность. И стало ясно – он работает не в одиночку. Скорее всего, действует группа минимум из пяти человек.

Аборигены, которые помогали беглым нацистам, ушли на седьмой день появления убийц, которые так и остались никем не замеченными. Что так напугало индейцев неизвестно, но они бросили своё поселение и практически с пустыми руками унеслись в неизвестность джунглей. Из охраны остались лишь собаки, которые ранее зарекомендовали себя с очень плохой стороны. На следующий день не стало и их. Убежали в джунгли следом за индейцами и тоже не вернулись.

Группа убийц действовала непредсказуемо, и убивала точно так же – с каждым разом придумывала новые способы умерщвления нацистов. Хорст Хайгер был лишён трети кожного покрова и явно умер от болевого шока. Клеменс Рихтер ел сам себя, пока не скончался от потери крови. Эрвин Боур…

Вспомнив сидящего за столом связанного Эрвина с чёрными пустыми глазницами и ползающими по телу муравьями, Йозеф передернулся. Покойник так и продолжает находиться в соседней комнате, а охочие до мяса насекомые медленно поедают его. Всего ничего прошло с момента, когда Хаур понял – нет никакой группы убийц, есть только один убийца, и сейчас он находится совсем близко, достаточно протянуть руку…

– Мне было интересно посмотреть на твою реакцию. – Зеленоглазый мальчишка, сидящий напротив, улыбнулся и Йозеф непроизвольно подумал – если у дьявола есть лицо, то оно именно такое. – И я уверен, что десять секунд молчания были потрачены не зря, всё это время ты вспоминал всё, что случилось недавно, и пытался убедить себя, что найдёшь выход из столь нехорошего положения. Огорчу, от тебя сейчас ничего не зависит, только я, и никто другой, пишу сценарий. И конец этого дерьмового романа уже написан. Он при любом раскладе одинаков.

– Что тебе нужно? – спросил Йозеф, впервые заговорив с убийцей.

– Я всё ждал, когда ты наконец-то созреешь, и вот это случилось. Радость, я испытал её, потому что всё не так, как было прежде. Твои шестерки были грубы, обещали только убить меня, и даже пытались это сделать, поэтому я поступал с ними аналогично. Нет, я не нападал ни на одного из твоих людей первым, как ты мог подумать. Они нападали, они были агрессивны, а я лишь послужил зеркалом. Отвечал точно так же. Но ты, Йозеф, мне понравился, и твоя вежливость. Интеллект полезно развивать, и ты не забываешь это делать. Спрошу, ты готов ответить на все заданные мною вопросы честно?

– Не могу обещать, потому что может случиться так, что я не буду знать правильных ответов. Обладая ложной информацией, дам её как правдивую, но при этом ошибусь.

– Не беспокойся по этому поводу, Йозеф, меня устроит любая информация, главное, чтобы она была. Зацепки можно найти и во лжи. Итак, ты готов отвечать?

– Готов, но после небольшого уточнения. Что я получу взамен?

Убийца посмотрел на Хауэра и ничего хорошего в его взгляде не было. Ответ это подтвердил:

– Ты не в том положении, чтобы что-то требовать. Как я решу, так всё и будет.

– Я всё понял…

Йозеф втянул плечи и сделал максимально провинившееся выражение лица. Подавленный и разбитый – таким нужно выглядеть в глазах убийцы. Заставить его расслабиться, пусть почувствует, что ситуация полностью под его контролем. Расслабившийся, он ошибётся с гораздо большей вероятностью.

Пепельноволосый мальчишка, глядя на метаморфозы собеседника, хмыкнул, и заговорил стальным голосом:

– Йозеф Хауэр, я только что прочитал тебя как открытую книгу, и понял, что ты задумал. Все твои люди пытались сражаться со мной силой, но у них не вышло. Ты понял это, и рискнул попробовать новую тактику – перехитрить. Весь твой внешний вид фикция, ты не настолько напуган, насколько изображаешь это. Надеешься, что я расслаблюсь? Надеешься, что допущу ошибку?

Голубоглазый убийца резко встал, выбросил руку с чем-то блестящим и Йозеф ослеп на один глаз. Крик, полный боли и отчаяния, вырвался из его рта. Упав со стула на пол и перевернувшись на спину, Хауэр руками зажал пустую глазницу. Прошло несколько секунд и он потерял сознание от болевого шока.

– Совсем слабенький попался. – Убийца зачем-то рассмотрел насаженный на вилку глаз фашиста со всех сторон. Не найдя ничего интересного, выбросил его и буркнул: – А ведь это только начало…

* * *

Никогда раньше Йозеф Хауэр не задумывался о самоубийстве. И никогда не предполагал, что будет мечтать о нём. Получив укол наркотического обезболивающего, он тратит драгоценные минуты на банальную зависть. Застрелившийся Гитлер и съевший цианида Геббельс были значительно умнее его, обычного труса и беглеца, который наивно полагал прожить оставшуюся жизнь в джунглях и до самой смерти остаться нераскрытым. Сейчас Йозеф Хауэр отдал бы всё, что у него есть, лишь за то, чтобы кто-нибудь пристрелил его. Но нет, убийца, что пришёл за его душой, не готов даровать лёгкую смерть. Жестокость – его главное развлечение…

– Вижу, что тебе полегчало, друг мой. Отлично, мы можем начинать. К моему сожалению ты не так крепок, как предполагалось. Слишком низкий болевой порог, впервые на моей практике. Мне интересно, от банальной занозы у тебя случались обмороки?

– Никогда не было, но с болевым порогом вы правы, он у меня низкий. Передалось от мамы.

Отвечать на вопросы без промедления и говорить только правду – всё, что требует убийца. Йозеф безукоризненно выполняет эти требования, научен горьким опытом. Мальчишка изверг сломал его, сделал своим рабом, безвольной куклой. Хауэр готов на всё, лишь бы ему не было больно. На всё, кроме того, что доставляет боль.

– Я убил много таких как ты, Йози. Эрвин был шестьдесят первым человеком, который принял смерть из моих рук. Двенадцать из того числа были женского пола, и, знаешь ли, они держались довольно неплохо. Даже красотка Рутт Пфафф, миниатюрная женщина, которую при сильном ветре наверняка сбивало с ног, после того, как провела со мной целый час, не сломалась. Я занимался с ней живописью, рисовал на теле узоры при помощи раскаленного прута и скальпеля. Два часа сорок три минуты – столько времени ушло, чтобы сломать её. Это, к счастью, не рекорд, я просто не спешил, торопиться было некогда,

наслаждался моментом. Рекорд у меня до тебя был длиною в семь минут. Семь долгих минут пыток терпел Германн Штейн, а затем рассказал всё, что знает. Я скажу, что тогда мне пришлось быть изобретательным, и лучше не знать, что там происходило. Даже мне, человеку со сверх устойчивой психикой, неприятны те воспоминания. А всё потому, что Германн Штейн был очень крепким, просто эталоном крепости. Увы, но он сломался. Ты, бедный Йозеф, поставил новый рекорд, он продлился всего ничего, мгновение, которое мне потребовалось, чтобы вырвать тебе глаз. Я увидел, что ты сломан, и поэтому облегчил твои страдания инъекцией наркотика. Тебе ещё больно?

– Да, больно, не настолько, как в начале, когда очнулся. Скажите, вы больше не будете издеваться надо мною?

– Буду, если продолжишь говорить со мной на “вы”. Я молод, очень молод, в два раза моложе тебя, Йозеф. На “ты” и только так. Понял?

– Понял в… Понял тебя!

– Почти на лету схватываешь, молодец. Итак, начинаем. Ты Йозеф Хаур Ламерс, тебе пятьдесят три года, всё верно?

– Да.

– Группенфюрер СС – звание на момент окончания войны.

– Всё верно.

– Что скажешь о Наследии Предков(нем. Ahnenerbe – рус. Аненербе)?

– Институт, который занимался изучением истории…

– Достаточно, это всем известно. Так же всем известна тесная связь Аненербе и СС. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер был директором Аненербе, если мне не изменяет память. Это верная информация, Йозеф?

– Да, всё верно.

– Anderweitig Welt (немецкий, на русском – Иной Мир) – тебе о чём-нибудь говорит это название? Имеешь ли ты хоть какое-то отношение к исследовательскому отделу, который работал под этим названием?

– Впервые слышу о таком. Никакого отношения. По крайней мере, мне об этом неизвестно.

– Технология нахождения и стабилизации хаотично возникающих порталов, что тебе известно о ней?

– Ничего. До этого момента вообще не знал, что такая существует.

– Вопросы по этой теме закончены, как обычно ничего интересного. Что ж, дорогой Йозеф, перейдём к самому скучному. Местонахождение других беглецов, таких же, как ты, расскажи всё, что знаешь.

– Много информации, советую записать.

– Ничего страшного, я запомню. И, уверен, большая часть того, что ты скажешь, мне давно известна…

Глава 2

Трое друзей не виделись больше года. Встретившись, они по старой привычке поспешили выбраться на природу. Лето, лес, река…

В облюбованной бывшими сослуживцами рощице на высоком склоне горел костер, на широком пне, застеленном чистой газетой, лежали аккуратно нарезанные молодые огурцы, луковица и несколько банок консерв из наркомовского пайка.

Самый старший Иван Кравцов, ныне полковник, ему недавно исполнилось сорок четыре. Изрядно пополневший за последние пять лет, он похож на бурого медведя, которого кто-то окунул головой в рыжую краску. Никогда не делает резких движений без нужды, любит выпить, но при этом никогда не пьянеет.

Чуть помоложе майор Евгений Григорьев, тридцать семь лет, всегда пострижен наголо, потому что с рождения блондин, а хотел бы быть брюнетом. Дразнили, слишком близко принимал всё к сердцу, не любит, когда над ним смеются, позволяет это делать лишь близким людям, с остальными сразу конфликтует. Телосложение плотное, широкоплеч, кость тяжёлая, выносливости на роту хватит.

Самый молодой старлей Егоров Юра, тридцать один год, незыблемая скала, само спокойствие. С виду хлипковат, и если разденется, то можно сказать, что живот к спине прилип. Но кость мощная, широкая, да и плечи такие, что майор и полковник позавидуют. Сам старлей по поводу худобы не расстраивается, ему так нравится, с рождения таков. Ест как все, и даже больше. Жилист и силён. Выносливости не на роту, на батальон хватит! На силушку тоже не жалуется…

Подкинув одно полешко в костёр, полковник Кравцов приподнял крышку котелка, вдохнул аромат почти приготовленного супа, с предвкушением вздохнул. Усаживаясь на постеленное на землю одеяло, он поморщился от боли в колене.

– Что рожу скривил, Петрович? Опять нога, будь она неладна, разболелась? – Майор Женя Григорьев вручил командиру стопку и насаженный на вилку маринованный опёнок. Сурово посмотрев на старлея Юру Егорова, недовольно буркнул: – Николаич, тебе что, особое приглашение нужно?

– Нога не разболелась. Она болит. Не прекращая. С того самого дня. – Полковник Кравцов выпил, закусил, поставил стопку и, кивнув в сторону котелка, по привычке скомандовал: – Готово, майор, суп по тарелкам разливай.

– Старлей…

– Нет, майор, я тебя попросил.

– Юрка…

– Давай давай, майор.

– Петрович!

– Василич, суп!

Старлей Егоров решил вмешаться. Как всегда сдержанно-задумчивый, тихо проговорил:

– Сидите, товарищ майор Женька, вы же у нас инвалид. Две дополнительных дыры в заднице, как никак.

– Нарываешься, Юра, ох нарываешься. Петрович, можно я ему всыплю?

– Жень, а что не так? – полковник Кравцов подмигнул разливающему суп старлею. – Юрка по факту всё сказал, ты у нас инвалид, две дополнительных…

– Заросли давно! В сорок третьем ещё! В мае уже как новенький был!

– В мае сорок четвёртого, – поправил старлей Егоров и передал первую тарелку командиру.

– Как самогону выпьет Женька, так мозги у него работать прекращают. – Иван Кравцов кивнул на бутылку. – Наливай давай, инвалид ты наш. И вспоминай, майор, в каком году нога моя болеть начала.

– В сорок третьем же? В ноябре ведь? Я тебе говорил не нужно, у меня бы лучше вышло, но ты упертый был…

Женя осёкся, поспешно схватил бутылку и начал разливать самогон по стопкам. Юрка, обречённо вздохнув, поставил третью тарелку с супом на стол и неслышно пробормотал:

– Опять разбередил себе душу командир…

Кравцов вспомнил, как попытался спасти товарища. Память злодейка не спросив разрешения забросила его в прошлое, в ноябрь сорок четвёртого. Ошибочный выбор, тогда он понадеялся на собственные силы, при этом отбросив все сомнения. Знал, что Егоров или Григорьев справятся быстрее и лучше, но упёрся, пошёл спасать товарища сам, а их оставил прикрывать возвращение. Это была

ошибка, которую Иван не простит себе до конца жизни. Она стоила жизни Седова Володи…

Глядя на бегущие по щекам Кравцова слёзы, Женька виновато сказал:

– Извини, командир, не хотел напоминать, случайно…

Слегка похлопав Григорьева по спине, Юра шепнул ему:

– Просто молчи, я сам.

Егорову всегда кажется, что начало сорок третьего было совсем недавно, какие-то дни-недели прошли, не больше. Тогда ему был двадцать один год и работал он оперативником в НКВД. Но затем его забрали в Москву на обучение, а спустя полгода учебки отправили на фронт в звании младшего лейтенанта главного управления контрразведки “СМЕРШ”, десятый отдел, он же отдел “С”, специальные задания. Первое знакомство с лейтенантами Седовым и Григорьевым, а так же с майором Кравцовым. Володя, к сожалению, погиб. Их осталось трое, друзья до последнего вздоха. Девять лет прошло, а кажется, что как мгновение пролетели. Война давно отгремела, но не в душе Егорова и его друзей…

– Петрович, чего расклеился? – Юрка вручил командиру ложку и кивнул на суп. – Ешь давай, пока горячее, и не вспоминай. Прошлое прошло, живём в настоящем. Не береди ни свою, ни наши души. Мы ТАМ все кого-то потеряли.

Григорьев быстро наполнил стопки и сказал:

– За тех, кто не с нами!

Выпили. Кравцов зашипел:

– Я как всегда!

– Ну а как без этого? – Усмехнулся Юрка. – Ты же неисправим, командир. Сам себя до слёз доведешь, а Женька потом вину чувствует, хоть и не виноват совсем. Столько лет ничего не меняется, а надо бы. Начни хотя бы с ноги, вдруг

не всё потеряно, сейчас медицина ого-го как развилась, не то, что на конец войны было. Авось чего придумают, хромать не будешь и о боли забудешь. Не будет стабильной физической боли, меньше станет и душевной. Послушаешься, командир, съездишь в столицу?

– Ох, Юрец, зря… – почти неслышно сказал Григорьев и всецело сосредоточился на супе.

– Петрович, ну что ты меня взглядом сверлишь? Дырку сделаешь – обижусь! – Юрка начал есть не сводя взгляда с командира.

Кравцов не выдержал, сдался, перестал злобно глядеть на старлея, подобрел и зачем-то посмотрел на Женьку Григорьева. Что-то пробубнив себе под нос, он преспокойно приступил к поеданию супа. Лишь левой рукой показал на бутылку, тем самым спросив – чего не налито?

– Не, мужики, не так быстро. – Закончив есть суп, Женька Григорьев погладил свой живот и, кивнув в сторону реки, растягивая слова проговорил: – Пропущу я, пожалуй, стопочку другую, и схожу освежиться. – Покрутив тарелку в руках, он добавил: – Ну и посуду заодно сполосну…

Юрка наполнил стопки и молча предложил командиру выпить. Но тот покачал головой и сказал:

– Мы тоже пропустим, старлей. Разговор у меня к тебе есть, достаточно серьезный, не для посторонних ушей.

– Женька не посторонний! – старший лейтенант Егоров позволил себе слегка повысить голос.

– Рычать на меня не смей, Юрий Николаич! – полковник погрозил кулаком. – Если я сказал, что Григорьев посторонний, значит он посторонний. Дело важное, слишком важное, настолько, что втягивать в него Женьку я просто не имею права. Позже ты поймёшь, что я имел в виду. Но не сейчас, сейчас информации будет самый минимум. Я дам тебе задачу, ты должен будешь её выполнить. Договорились?

Юра кивнул и ответил максимально кратко:

– Да.

– Михаил Росс, наш бывший агент, это твоя задача, ты должен найти его и вернуть на родину. Он не захочет возвращаться, я уверен в этом, поэтому тебе придётся найти способ убедить его. Силовое воздействие исключено!

– Это всё? Мне бы чуть больше информации, хотя бы направление, в какую сторону бежать.

– В сторону Южной Америки, Росса последний раз видели там. Пять недель назад убил группенфюрера СС Йозефа Хауэра. Более подробную информацию о цели можешь взять в двести тринадцатом отделении, номер Д-2211.

Юрка жестом остановил командира и сказал:

– Можете не продолжать, полковник, дальше я справлюсь сам.

– Молодец, старлей, верю в тебя.

Юрка улыбнулся, кивнул в сторону реки и сказал:

– Хватит на сегодня и прошлого, и работы. Пошли купаться, Петрович…

Глава 3

Утром следующего дня Юра Егоров вернулся домой, в родной Сталинград, а к обеду покинул его, отправившись в Воронеж. Именно оттуда он решил начать поиски пока что неизвестного ему Михаила Росса.

Удача, иначе не скажешь, но именно этим утром Юркин сосед, Афанасий Воронин, решил съездить в гости к родственникам в Гомель и, услышав, что редко бывающий дома Егоров бренчит посудой, зашёл в гости. За чаем соседи

разговорились, Юрка обрадовался, узнав о поездке, и уже через час сидел на переднем сиденье новенького Москвич-400.

В Воронеж приехали ближе к полуночи, и заехали в гости к Юркиному товарищу, Василию Южакову, живущему в однушке с женой и сыном.

Афанасий хотел ехать дальше, но Юра и Василий убедили его остаться. Жена хозяина накрыла на стол, а затем собрала сына и ушла ночевать к маме, которая живет в доме напротив.

Уставшим с дороги хватило по одной стопке, оба начали клевать носом. Вася определил Афанасия на диван, Юрку на раскладушку сына, а сам отправился на кухню допивать початую бутылку. И, конечно же, наконец-то открыть сумку с гостинцами. Юра Егоров гость редкий, но всегда желанный…

* * *

– Николаич, вставай, шесть утра!

Юра открыл глаза и попытался понять, что не так с Васькой. Секунды хватило, помогло обоняние, товарищ пьян, и, судя по опухлости лица, еще не ложился.

– Ты что тогда такой был, что сейчас остался. Только проснулся – уже смысл в глазах! – Южаков выпрямился, словно услышал команду смирно. Затем развернулся и, пытаясь выглядеть трезвым, ушёл на кухню. Оттуда прокричал: – Я вот, Юр, никогда так не мог, час надо после сна, чтобы раскачаться, в себя прийти. Молодец ты, друг!

– Афанасий, вставай. – Юрка открыл шторы и комнату наполнило светом летнего солнца.

– Забылся, всё из головы вылетело… – пробормотал Афанасий и нехотя поднялся. Одеваясь, начал бормотать что-то невнятное.

– Яичницу все будут? – долетело из кухни.

– Буду, буду… – буркнул Афанасий и поплелся умываться.

– Тут умойся, – Васька, неумело пытающийся разрезать укроп, кивнул на громоздкую кухонную раковину царских времен, стоящую в углу кухни.

– Ага. – Юрка, склонившись у крана, не стал мыться. Пристально глядя на товарища, он тихо спросил: – И как давно ты стал в запои уходить, Вась?

– Не понял? А ты откуда знаешь? Людка напеть успела?

– Она не причём, у тебя всё на лице написано. Как давно пьёшь спрашиваю?

– Да год уже, год! А ты, Юра, что-то против хочешь сказать? – Васька перестал резать укроп и, в своей привычной манере, начал активно жестикулировать.

– Нож убери, порежешь ненароком. – Юра отвернулся и начал спокойно умываться.

Васька, покраснев, продолжил готовить яичницу.

– Умоешься, так жить хочется! – Афанасий, успевший нарядиться словно на свадьбу, вошёл на кухню и сел за стол. – И аппетит сразу появляется. Вась, что там такое вкусное готовишь, давай быстрее на стол ставь! А, кстати… – вскочив, Юркин сосед пулей умчался в комнату.

– Мы с тобой потом поговорим, когда протрезвеешь. – Юра закончил с водными процедурами, похлопал Ваську по плечу и подошел к окну. Как же прекрасно быть дома, и как не хочется ехать за тридевять земель, в богом забытые места.

– Вот, это от меня, за гостеприимство! – Афанасий поставил на залавок штук десять банок с говяжьей тушёнкой и парочку рыбных консерв.

– Ух ты, спасибо! Горбуша?! Надо же!

Юра жестом показал Афанасию “молчи” и, отодвинув Ваську от плиты, сам продолжил готовить яичницу. Через пять минут все трое сидели за столом и завтракали.

– Новый Москвич – богато живёт твой сосед, скажу я тебе, Юра!

Афанасий уехал, проводили его, ему предстоит дорога до Гомеля. Юрка, подтолкнув Ваську в сторону подъезда, сказал:

– Пошли уже, отрезвлять тебя будем! А затем займемся воспитанием…

По пути в квартиру Юра пытался найти решение проблемы, но ничего стоящего так и не придумал. Даже если бы у него был год, и ему помогали лучшие умы планеты, то всё равно результат был бы отрицательным. Нельзя вернуть в прежнее состояние упавший на бетон и разбившийся вдребезги стеклянный шар – точно так же с покалеченной человеческой душой.

– Помнится мне, Юрка, как ты мастерски умел наводить порядки, и как одной беседой человека на путь истинный наставлял. Ничего я не забыл, всё как будто вчера это было, помню. – Васька первым прошёл на кухню, достал из холодильника бутылку водки, поставил её на стол, накрыл горлышко стаканом, и встал у подоконника. Глядя Егорову в глаза, заговорил так, будто на исповедь пришел: – Можешь сделать со мною всё, что пожелаешь, все свои способы на мне попробовать, разрешаю, но лишь после того, как выслушаешь всё, что я хочу тебе сказать. Ты, Юр, мне друг, и я всегда рад тебе, как младшему родному брату, который заезжает очень редко. Братьев у меня не осталось, все ТАМ с того самого времени, а сестёр Бог не дал. Ты заменяешь их всех, я на полном серьёзе это говорю. Приехав ко мне, Юра, ты увидел лишь часть правды, и она тебе не понравилась. Да, я спиваюсь, могу сказать это не стесняясь, потому что давно признался себе в этом. Признался себе – другим сказать не стыдно. Иначе, увы, не могу. Хочу, но не могу…

Васька замолчал. Не сумев больше смотреть на друга, он закрыл глаза и уронил голову на грудь. Юрка тихо попросил:

– Продолжай, я внимательно тебя слушаю.

– Всё плохо, друг, всё плохо. Война всегда со мной, стоит лишь закрыть глаза. Вот даже сейчас, грохот и страх в голове, будто я так и остался там. Глаза закрыл и снова иду на штурм, снова под пули. Спать трезвым разучился, потому что не способен это делать. Сны возвращают меня туда. Всё по кругу. Юра,

почему так, а? Вот ты, сильный, скажи, как жить мне, слабому? Как жить после всего того, что я видел? Если дашь ответ мне, то, получается, дашь его таким же, как я…

– Вась, со мной всё точно так же, стоит закрыть глаза и всё возвращается. Кто-то научился с этим жить, кто-то нет. Увы, но ответа не дам. Я его попросту не знаю. Наверное, лекарства нет и никогда не будет. Никто не сможет сделать тебя прежним, и никто не сможет изменить тебя. Это можешь сделать только ты сам. Перестань смотреть в прошлое.

На краю кухонного стола лежала стопка пожелтевших от сырости газет. Вытащив наугад один листок, Юра развернул его и ткнул пальцем в заголовок:

– Смотри, Обнинскую Атомную электростанцию строить начали. Была атомная бомба, смерть несла всему живому, но советский человек заставит жить её мирно и пользу другим приносить. Так и ты, перестань жить смертью и начинай жить для жизни. Прошлое для всех было плохим, все мы творили всякое… – тяжело вздохнув Юра стряхнул тяжелый морок накативших воспоминаний. – Но, друг мой, времена меняются и нам нужно меняться вместе с ними.

– Ты сейчас как политрук заговорил, – горько усмехнулся Василий и, присев на край стула, щелкнул ногтем по звонко откликнувшемуся стакану. – Вот только лекарство от этого не меняется, перед боем тоже “наркомовские” прописывали!

– Дело твоё Вась, но другого рецепта тебе от меня не будет. – Встав из-за стола и поправив гимнастерку, Юра взглянул в окно. День уже вступал в свои права, на улице появились редкие фигуры прохожих, спешащих по своим делам. По дороге, громко чихая и кашляя сизым дымом, проехал трофейный немецкий “Студебеккер” с набитым до отказа ящиками кузовом.

– Я бы рад с тобой ещё поговорить и помочь, серьезно, очень хочу, но у меня служба.

Не отвечая, Южаков кивнул и молча вылил остатки бутылки в ведро стоящее под умывальником. По тесной кухне тут же пошел сладковатый запах спирта. Открыв под ободряющим взглядом товарища форточку, Василий обиженно буркнул.

– Пойдем, провожу…

У входной двери Юра, в последний раз обернувшись, пожал жилистую ладонь товарища и ободряюще похлопал его по плечу.

– В следующий раз мы обязательно…

Осёкшись под угрюмым взглядом Южакова, Егоров молча развернулся к выходу и вышел на прохладную, пахнущую сыростью, лестницу.

Путь Юры лежал в неприметное здание неподалеку от военной комендатуры Ленинского района с облупившейся от времени табличкой у входной двери с надписью “Архив”. Наверняка редких посетителей забредших сюда удивлял вооруженный часовой за дверью, но не Егорова. В отличии от большинства, он знал, что помимо воинских карточек призывников Воронежского военкомата, в недрах архива можно было найти информацию более интересную и гораздо более секретную.

– Во второй отдел. – Сверкнув новеньким удостоверением комитета госбезопасности на проходной, Егоров без проблем прошел внутрь и остановился перед громоздким столом, заваленным папками с документами.

– А, опять ты, старлей, – оторвавшись от бумаг и подслеповато прищурившись отсканировал холодным взглядом гостя архивариус двести тринадцатого отделения. Хранитель архива был глубоким шестидесятилетним стариком по меркам военных в форме полковника с погонами службы военных сообщений.

– Уже капитан, – протянув руку для рукопожатия, поправил Егоров, – у вас отличная память, товарищ полковник. Сколько уже лет прошло? Пять?

– Четыре с половиной, ты данные на банду контрабандистов собирал, – отвечая на рукопожатие, ответил полковники Поляков. – Помнить всех меня положение обязывает. Ты, так понимаю, не в гости зашел?

– Так точно, Дмитрий Николаевич. Меня интересует досье под номером Д-2211.

Удивленно вздёрнув мохнатые брови, Поляков некоторое время изучал удостоверение Егорова.

– Министерство государственной безопасности… – прочитал вслух полковник, возвращая красную книжку капитану. – Всё те же люди, всё тем же заняты. Садись на стул, капитан, и жди. И смотри мне, ничего не трогай!

Поляков, необычно бодро для своего возраста встал и, звонко стуча стальной набойкой протеза на левой ноге, скрылся в глубине архива. Присев на скрипучий стул, Юра огляделся. Взгляд остановился на резной трости для ходьбы, скромно стоящей в углу.

Полякову повезло. Взрыв мины в далеком сорок пятом оторвал ему только стопу и позволил остаться действующим сотрудником госбезопасности, а моральная устойчивость и сила духа сохранили в нём человека, чего нельзя было сказать о Василие. Встреча со старинным другом оставила в душе тяжелый осадок и, чтобы отвлечься, Егоров начал изучать не примечательную обстановку архива.

Со времени последнего визита тут почти ничего не изменилось. Огромный зал, набитый разномастными книжными шкафами и стеллажами, да несколько неприметных дверей, ведущих в секретные архивы. Разве что грубую побелку на стенах заменил толстый слой зеленой краски, да сгнившие доски на полах поменяли на новые. Послевоенный Союз медленно вставал с колен постепенно зализывая раны и на всё сразу ресурсов и людей просто не хватало. По всей необъятной территории строились электростанции и заводы, заново засевались поля и осваивались новые земли, а на фоне восстановительных работ продолжала нести службу госбезопасность (она же СМЕРШ) с 1946 года переименованная в Министерство Государственной Безопасности. Ее агенты, одним из которых был Юрий Егоров, продолжали вытравлять с тела Родины недобитых фашистских пособников, иностранных шпионов и бандитов, которые, словно сорняки, густо проросли на территории СССР в послевоенный период.

– Очень странные интересы у тебя, капитан, – появившись так же внезапно, как и исчезнув, Поляков положил на стол перед собой пыльную папку из пожелтевшего картона. Края папки были опечатаны, а на лицевой стороне кроме невзрачного номера стоял штамп красного цвета “Совершенно секретно”.

– Ну, кто-то же должен заниматься и такими делами, – сухо ответил Юра потянувшись за папкой, но был остановлен властным жестом архивариуса. Постучав желтым ногтем по сургучной печати на папке, тот пояснил:

– Что бы вскрыть папку, придётся расписаться в журнале вскрытия и вновь опечатать документы после ознакомления.

– С этим проблем не будет.

Когда с необходимыми процедурами было покончено, Егоров удалился в небольшую комнату с письменным столом и стулом. Вкрутив в висящий над столом патрон лампочку с нетерпением заглянул в папку и был крайне удивлен. Большая часть документов была зашифрована или заменена на акты утилизации. Другими словами, Михаил Росс оказался настолько секретным парнем, что о некоторых его делах не должны были знать даже “свои” люди.

– Кто же ты такой? – тихо прошептал Егоров просматривая одну за другой бесполезные бумаги. Через пятнадцать минут подробного изучения досье в руках Юры оказалась единственная ниточка, ведущая к его цели…

Глава 4

Жара спала к утру и Бёрнс Амзель наконец-то смог уснуть. Проклятая Аргентина, ему никогда не привыкнуть к её климату. Родная и ласковая Германия снится практически каждую ночь и, наверное, так и останется недоступной до конца жизни. Оберфюреру СС, бежавшему от правосудия, нет дороги домой.

Стук в дверь прервал беспокойный сон и вызвал в разуме Бёрнса приступ неконтролируемого гнева. Если его разбудили по пустяку, то это будет стоить чьей-то жизни. Обрадовавшись холоду металла, он достал пистолет из под подушки и направился к выходу.

Гвидо переминается с ноги на ногу и выглядит сильно озабоченным. Он не из тех людей, которые побегут к начальству из-за пустяка. Знает о бессоннице и о том,

что Бёрнс почти всегда засыпает с рассветом.

– Молодой парень пытался незамеченным пройти на территорию поселения, но был обнаружен аборигенами. Они поймали его в начале ночи и доставили к нам около часа назад. Хнычет как девка, представился Вернером Кляйнером. Сказал, что будет разговаривать только с вами.

Бертольд Кляйнер был двоюродным братом Бёрнса. Дальний родственник сгинул где-то под Москвой ещё в сорок первом и с тех пор о нём ничего не было слышно. Наверняка погиб. Вернер, скорее всего, является сыном пропавшего братца. Возникает вопрос – как он нашёл своего дядю, о существовании которого ему вообще не положено знать. Ситуация требует немедленно разобраться в ней.

– Дай мне минуту! – Бёрнс Амзель скрылся за дверью.

* * *

Аргентинцы, которых Бёрнс нанял для охраны поселка, немного поиздевались над пойманным мальчишкой, но бить и, тем более калечить, не стали. Они бы с радостью отобрали у бедолаги всё имущество, но тот оказался пустым. Разочарованные аборигены должны были доставить пленника к Гвидо сразу после поимки, но не стали этого делать, а решили поразвлечься. Не мучай старика Хауслера простатит, Вернеру Кляйнеру бы не посчастливилось дожить до утра. Поразвлечься аргентинцы хотели весьма неприятно, готовились скормить паренька собакам.

– Ему лет двадцать, не больше, – сказал Гвидо, показав Амзелю пленника. – Матиас сказал, что парень обделался, когда он скрутил его. Когда я уходил, мальчуган был в истерике. Видимо, потерял сознание от страха, слабая психика, нормальное явление. Что скажешь?

Спуск по лестнице был сложен и Бёрнс Амзель вытер проступивший на лбу пот платком. Спрятав его в карман пиджака, он мысленно позавидовал Гвидо, который одет лишь в шорты и сандалии. У него нет лишнего веса и нет принципов, которым нельзя изменять. Разное воспитание, в первую очередь. Даже здесь, на краю мира, среди аборигенов, чьё развитие лишь чуточку

превышает уровень каменного века, Амзель не готов меняться, он останется в первую очередь тем, кем был всегда, потомственным арийцем, представителем самой совершенной расы людей. И будет терпеть до последнего все капризы судьбы.

– Этот человек неизвестен мне. Приведи его в чувство, хочу поговорить с ним, если это возможно.

– Возможно, он хорошо знает наш язык, с детства рос в Германии, акцент сложно подделать. По крайней мере, такому юнцу это вряд ли под силу. – Гвидо поднял руку с кувшином и вылил на голову мальчишки ледяную воду.

– Прошу, не убивайте! – заверещал пленник и вжался в кирпичный угол подвала так сильно, будто надеясь пройти его насквозь.

Амзель подумал: “Тут намного лучше, чем наверху, приятная прохлада, дышится в разы легче. Надо было строить дом из кирпича и с глубоким жилым подвалом, а не из дерева, как любят местные. Нужно будет поразмышлять над этим и заняться в ближайшее время. Терпеть дальше невыносимую жару Аргентины нет сил, она словно медленный яд, высасывает вместе с потом все жизненные соки…”.

– От вашего взгляда, господин Бёрнс, он вот-вот вновь лишится сознания. – Гвидо усмехнулся, прежде за свою жизнь он ни разу не встречал столь пугливого человека.

– Как звали твоего отца? – спросил Амзель, продолжая думать о каменном доме, строительство которого он хочет начать уже сегодня. – Говори, я не люблю ждать!

– Ждать не придётся… – глухо ответил Михаил Росс, тем самым прекратив играть роль испуганного мальчишки.

“Вот это голос!” – всё, что успел подумать Гвидо, а затем весь его разум заполонила боль. И, что самое страшное, закричать он не смог. Тело стало чужим, глаза заполонила белая пелена, а боль продолжила усиливаться. Паренёк был быстрым, поразительно быстрым! Он нанёс Гвидо два удара, один рукой в центр грудной клетки, и второй, почти незаметный, по сути просто

касание кожи в районе сонной артерии.

Думать – главное оружие в сложившейся ситуации и Амзель это понимал. Мальчишка, от которого никто не ждал опасности, оказался совсем не тем. Убийца, весьма искусный, профессионал – вот хорошо характеризующие его слова. Гвидо вряд ли понял всё это, ему банально не хватило времени на осознание случившегося.

– Мгновение и повержен… – пробормотал Бёрнс. – Выдающийся человек… мне нужен именно такой…

Попытаться расположить к себе, а потом купить – тактика, выбранная Амзелем. Лучшего придумать он просто не успел, нет времени.

– Хвалишь меня? Надеешься купить? – Михаил Росс, встав напротив толстого фашиста, начал раздеваться. Запах мочи его порядком достал, хочется скорее умыться и одеться во что-нибудь чистое и приятно пахнущее. Решено, первым делом он позаботится о комфорте, а уже после приступит к самому главному.

– Мне хочется жить, ты должен понимать это… – Амзель пытается держаться, но у него не выходит, дрожь забирает себе его тело, страх заполняет разум, желание бежать становится неконтролируемым. Его нашли, спустя столько лет, где-то просочилась информация. Никто, даже Гвидо, чутьё на опасности которого никогда не подводило, ничего не заподозрил в испуганном мальчугане. Ответ прост, не нужно было расслабляться, нужно было всегда, как и первые годы после войны, оставаться начеку. Вот она, расплата за всё содеянное, стоит напротив Бёрнса, снимает с себя одежду и неизвестно, что будет делать дальше.

– Твоё стремление выжить мне понятно, любой здравомыслящий человек должен проявлять его, когда оказывается на грани. – Михаил Росс поставил ногу на бьющегося в мелкой судороге Гвидо и спросил: – Кем тебе был этот человек? Его фамилия Бухгольц, верно? Он был твоей правой рукой с сорок второго и остался ею. Тебе жаль его?

– Д-д-да… – с трудом смог сказать Амзель. Гвидо Бухгольц с начала войны и до сегодняшнего дня был единственным человеком, в верности которого Бёрнс не мог усомниться. Надёжная стена, которая оказалась не слишком надёжной.

– Чтобы ты перестал бояться, Бёрнс Амзель, я назову своё имя. Меня зовут Михаил Росс.

Услышанное подействовало на немца как опущенная на голову наковальня. Потерял сознание, а затем всей массой упал на каменный пол рядом с телом Гвидо, жить которому осталось совсем немного, потому что игла, которой Росс уколол его в шею, была отравленной. Два смертельных воздействия не оставят этому человеку шансов, ведь помимо яда был парализующий удар в солнечное сплетение, после которого сердце бьётся ещё несколько минут, а затем буквально сходит с ума и останавливается от перегрузки. На всей планете не сыщется доктора, способного спасти беднягу Гвидо.

* * *

– Матиас, верно? – Росс вытащил из кармана белоснежный платок из батиста и принялся тщательно вытирать им кинжал от крови. Предпоследний абориген захлебнулся в содержимом собственных кишок. Посёлок опустел меньше, чем за час. Было двадцать с лишним человек охраны, остался всего один. Рабов, ждущих участи в загоне и женщин с детьми Михаил в расчёт не берёт. Первые никуда не денутся, а вторые уже куда-то испарились. Не страшно, всё идёт по плану.

Отец Матиаса приехал в Аргентину давным-давно и лишь с одной целью – работорговля. Сын пошёл по стопам отца, но оказался не таким хватким и после того, как похоронил отца, за несколько лет растратил весь капитал и похерил бизнес. Почти десять лет Матиасу пришлось прожить в нищите и всё это время он не прекращал вспоминать былые дела предка.

Где-то далеко гремела война и бедный Аргентинец даже подумывал стать наёмником, но в итоге так и не решился. А затем война кончилась и в Южную Америку хлынул поток беглецов от правосудия, большую часть которого составляли немцы. Матиас ожидал, что его дела станут совсем плохи, но всё вышло иначе. Осенью сорок шестого он случайно познакомился с немцем по имени Гвидо, которому нужна была помощь в покупке земли. Место должно было быть неприметным и значительно удаленным от поселений местных.

Матиас, без труда догадавшись кем является Гвидо, понял, что это его шанс. Фашист прибыл в Аргентину не один, а с целой делегацией. Пять семей, двадцать четыре человека общим количеством, и все при деньгах. Особенно богатым оказался толстяк Бёрнс Амзель. То, что все мужчины-немцы имеют военное прошлое, не поддавалось сомнениям. Бывший работорговец понял, что эти люди – шанс начать всё сначала.

Амзель оказался самым главным и, узнав о прошлом Матиаса, помог тому возобновить дело. И свел с нужными людьми. Деньги потекли ручьём. Немцы оказались не просто умными. Их можно было считать гениями. Но был у этих людей один большой минус – больше года на одном месте они не оставались. Переубедить Гвидо в отсутствии опасности Матиас пытался, но сделать это ему так и не удалось. О Бёрнсе Амзеле не было и речи, главный параноик попросту бы не стал слушать аргентинца.

Спустя шесть лет немцев значительно поубавилось. Часть семей отделилась, и число двадцать четыре сократилось до одиннадцати. Мужчины почти всегда живут отдельно от жен и детей, потому что тем нравится быть ближе к цивилизации. За год видятся от силы пару раз и всех всё устраивает. Это и понятно, немкам нравятся жаркие объятья аргентинцев, Матиасу это хорошо известно, потому что жены Гвидо и Амзеля не раз приходили к нему в гости. Сами немцы так же не прочь пошалить и порой устраивают настоящие оргии. А что они вытворяют с рабынями иной раз доводит до бешенства даже Матиаса. Но фашистам он её не показывает, терпит молча, деньги для него важнее всего…

Всё хорошее когда-нибудь кончается – Матиас знал это всегда и сейчас, глядя на жуткого мальчишку, понимает, что заключительный момент близок. Спасения не будет, ему просто неоткуда взяться.

Двадцать три – столько было людей у Матиаса ещё час назад. Все мертвы, белый дьявол убил каждого, он наносил смертельные раны кинжалом, который принадлежал главному немцу и всегда висел у того в кабинете в позолоченных ножнах. Удары в живот, снизу вверх, с протяжкой – люди захлебывались в содержимом собственных внутренностей.

Алан был лучшим бойцом, Матиас до последнего не отходил от него, надеясь, что тот сможет остановить бледнокожего демона. Где он теперь? Совсем рядом, в метре, умирает от страшной раны, мальчишка с кинжалом не изменил себе,

вспоров предпоследнему врагу живот. И сейчас он смотрит Матиасу в глаза, ухмыляется и ждёт ответа. Белый дьявол, всё верно, ему даже его имя известно.

Но где же немцы? Они что, тоже все мертвы? Всё из-за них, Матиас это понимает, чёртовы беглецы не смогли убежать от правосудия, оно всё равно нашло их. Погибая, фашистские твари забрали за собой других. Если бы Матиас знал всё наперёд, он бы не стал мешать этому мальчишке. К сожалению, уже поздно что-то менять…

– Не люблю повторяться. – Росс отбросил кровавый платок и, подкинув кинжал, поймал его за кончик лезвия. Посмотрев на аргентинца, сказал: – Долго мне придётся ждать твоего ответа? Поторопить?

– Да, это моё имя… – хрипло прошептал Матиас. До него только что дошло, что с ним говорят на испанском. До этого белый дьявол не проронил ни слова, но именно с ним решил поговорить. Почему?

– Ты свободен, Матиас. – Росс указал Аргентинцу на дверь. – Можешь идти, убивать не стану. Людей, которые не пытаются нанести мне вред, я не трогаю. Давай уже, проваливай!

Отпускает? Вот так просто? И почему именно Матиаса? Да пусть будет проклят тот день, когда немцы приехали в Аргентину, и день, когда они наняли его к себе на службу! Это шанс, дьявол дал ему его, и упускать он его не станет!

Путь к двери лежит в опасной близости от мальчишки, не обойдешь. Продолжая сжимать нож в левой руке и пистолет без патронов в правой, Матиас переборол себя и сделал несколько шагов. Враг расслаблен, смотрит на кинжал, не успеет при всём желании. А если всё так попробовать…

Михаил Росс увидел замысел раньше, чем началось действие. Человек существо эмоциональное, поддаваясь страху и сомнениям любит выдавать себя напряжением.

Матиас, приняв решение нанести удар ножом в горло, слегка закусил губу и заметно напряг обе руки. А затем, слишком медленно для профессионала, выбросил левую руку в сторону горла врага. И сильно удивился, потому что того не оказалось на линии поражения. Ещё не понимая, куда умудрился пропасть

чёртов дьявол, аргентинец почувствовал удар по затылку. Обернувшись, он увидел спокойно стоящего парня у себя за спиной. Как он это сделал?

– Предлагаешь чистить кинжал заново? – Росс показал Матиасу кинжал и спросил: – Я ведь дал тебе шанс, почему ты не ушёл? Впрочем, можешь не отвечать, соблазн был дан намеренно, и он взял верх. Убить меня, если ты ещё не понял, невозможно. И да, в оружии теперь нет нужды, так что можешь оставить его себе… – бросив кинжал на пол, Михаил пошёл к выходу и на ходу пропел:

– Я бы так хотел любить, я бы так хотел страдать, все муки пережить. Мечтать, молить, рыдать…

Аргентинец выскочил на улицу практически следом за дьяволом и увидел, что тот спокойно идёт к дому, в подвал которого его недавно определил Гвидо. Если бы у него были патроны… Нет, не стоит даже думать об этом, этого человека просто невозможно убить. В него стреляли, но попасть так и не смогли. Бежать без оглядки – единственный способ остаться в живых…

* * *

Амзель открыл глаза и понял, что находится в темноте. Где он и что случилось? Затхлый запах смешан с вонью испражнений, приятная прохлада и слабый свет, пробивающийся сквозь редкие щели в потолке. Бёрнс находится в подвале, но не помнит, как туда попал. Память услужливо рассказала о недавних событиях и ему стало страшно. Гвидо мёртв, их нашли, смерть пришла в облике голубоглазого паренька, который назвал русское имя и фамилию. Надежда, пусть и призрачная, всё таки есть, Матиас и его люди вооружены и хорошо умеют охотиться на людей. Нужно как-то сообщить им правду о мальчишке…

– Как-то утром, на рассвете, заглянул к фашисту в сад…

Русская песня! Амзель не смог удержаться и описался. Люк открыт, человек спускается в подвал. Спичка зажглась, а затем зажглись свечи, три штуки, одна за другой, и стало хорошо видимым лицо убийцы, молодого парня вряд ли старше двадцати лет от роду.

– Доброе утро, Бёрнс! – Росс не показал виду, что ему неприятен запах, стоящий в подвале. Кивнув на лестницу, предложил: – Два варианта, говорим либо здесь, либо в твоём доме, какой выбираешь?

– Дом… – с трудом вымолвил Амзель.

– Здравомыслящее решение, там как минимум запахи намного приятнее. К сожалению, будет так не очень долго, ведь жара стоит нешуточная. Пошли, чайник уже наверняка вскипел…

Стол накрыт на две персоны. Мальчишка выглядит словно официант в престижном ресторане Германии, где-то раздобыл смокинг. Амзель смутно припоминает, что когда-то видел в таком Гюнтера. Унтерштурмфюрер, скорее всего, уже мёртв.

– Мертвы все, кроме тебя, Бёрнс. – Росс, увидев реакцию немца, улыбнулся, мысли были угаданы правильно, люди как обычно предсказуемы. Закончив сервировку стола, он снял пиджак, бросил его на пол и сел напротив Амзеля. Кивнув на кружку с чаем, сказал: – Пей, заварил как ты любишь, фруктовый. Ежевика, малина, брусника и немного чайной розы. Рихард ведь не соврал насчет твоих вкусов?

Амзеля пробрало. Русский знает Рихарда Майсснера. Или правильно будет сказать в прошедшем времени? Прошлое не забывается, оно неизбежно всплывает. Начало войны, красивый парень, новые ощущения…

Надо что-то ответить, поэтому Бёрнс тихо сказал:

– Всё верно, именно такой чай мне нравился больше всего…

– Этот чай я привёз из Колумбии. Подарок от Рихарда для его возлюбленного. Кстати, он мёртв, если ты не знал. – Росс сделал глоток чаю и, хмыкнув, пробормотал: – Весьма неплохо, мне нравится эта смесь, но, думаю, постоянно такое пить не будешь, слишком приторно. Бёрнс, почему ты не пьёшь? Ты расстроен смертью любовника? Как мне известно, это была твоя единственная связь с мужчиной, с сорок первого по сорок третий, больше актов мужеложства за тобой не наблюдалось. Рассказать, как умер твой любовник? Расскажу, ты обязан это знать. Муравьи съели его заживо, жуткая смерть. Что с тобой,

Амзель? Ты какой-то бледный, тебе нехорошо?

Росс одним глотком допил чай, отбросил кружку, затем встал и отшвырнул в ту же сторону стол. Ударом ноги отправив немца на пол вместе со стулом, прыжком оказался у того сидящим на груди. Продемонстрировав Амзелю заточененую на половину окружности монетку, спросил:

– Узнаёшь? Это пятьдесят пфеннигов, кое-кто любил эту острую монетку и при её помощи снимал кожу с пленных. Множество раз он делал это на твоих глазах и ты даже принимал участие в экзекуции. Рихард умирал в страшных муках и ты, Бёрнс Амзель, скоро познаешь его страдания. Обещаю снимать кожу с твоего тела максимально аккуратно. А ты, в свою очередь, пообещай, что будешь честен со мной и ответишь на все мои вопросы…

Глава 5

Здание железнодорожного вокзала Воронежа встретило Егорова шумом рынка. На импровизированных лотках местные жители разложили свой нехитрый товар и лениво переругивались с соседями в ожидании поезда на Москву. Милицейский патруль с немым укором осматривал участников барахолки, но разгонять торгашей не спешил. Многие понимали, что для большинства из них это единственный способ заработка. Подобную картину Егоров встречал повсеместно. Как бы громко не звучали ободряющие речи из рупора радио о достижениях советской власти, простой народ продолжал хотеть есть, а позаботиться о тысячах ветеранов у государства пока не хватало сил.

– Дядя, дай копеечку…

Обернувшись, Егоров встретился взглядом с лопоухим парнишкой лет тринадцати. Не смотря на летний зной, паренек был плотно укутан в драную куртку на пару размеров больше и щеголял в новеньких сапогах.

– Дядь, кушать хочется… дай копеечку… – стараясь выдавить слезу, продолжал канючить пацан. Словно подыгрывая, а может так оно и было, рядом сидящая бабка запричитала с характерным для местных селений яканьем:

– Ох сиротки! Ох дитятки! Жизни хорошей не видели! Ой, не в то время вы на свет появились…

Взглянув на наручные часы, Егоров прикинул время. Если поезд не опоздает, у него целых сорок минут в запасе. Рефлекторно проверив замки на своем чемодане, поставил его на землю и сел сверху.

– Ты чей будешь, шкет? – стараясь выглядеть дружелюбно, спросил Юра. В эту игру он играл уже не раз и примерно представлял, что будет дальше.

– Сирота… мамку немцы убили, папка на фронте погиб… – как по писаному заголосил парень. – Тетка была, да зимой от жара померла. Она в речном хозяйстве работала, в полынью провалилась. Так в две недели и сгорела. Дай денежку!

Будь на месте Егорова обычный ротозей, он бы уже давно лишился кошелька и багажа. В последний момент перехватив руку “щипача” у своего кармана, Юра с некоторым удивлением разглядывал напарника попрошайки. Девчонка! Чуть старше тут же скрывшегося в толпе паренька, такая же чумазая и плохо одетая.

– Пусти, больно! – зашипела девка, впившись грязными ногтями в руку Егорова, – Люди! Караул! Насильничают!

Толпа вокруг неодобрительно зашумела. Несколько грузных мужиков с угрюмым ворчанием придвинулись было на защиту ребенка, но их пыл тут же остудила трель милицейского свистка.

– Дорогу, граждане! Что происходит? Что случилось? – сквозь толпу пробился милицейский патруль состоящий из молодого лейтенанта и двух красноармейцев, вооруженных винтовками.

– Вот этот… – ткнула кривым пальцем в Егорова бабка-торгашка. – Дитя схватил и не отпускаят!

– Схватил, говорите?

– Схватил, схватил! А еще военный! – зачастила бабка под одобрительный гул окружающих. – Дети! Сироты! Нет им защитников!

– Гражданин, пройдемте! – строго посмотрев поверх очков, произнес лейтенант. – Будем разбираться! И отпустите девочку!

Зло поиграв желваками, Егоров достал из нагрудного кармана удостоверение и, раскрыв, показал лейтенанту. А после произнесенной в полголоса фразы “Министерство государственной безопасности” толпа стала стремительно рассеиваться.

– Конечно мы будем разбираться, лейтенант, – с усмешкой ответил заметно побледневшему младлею Юра. – Разберёмся, откуда на вверенном тебе участке появились воришки и беспризорники. И почему нарушаем регламент по безопасности? Почему на перроне посторонние граждане?

Последние два вопроса относились к стихийному рынку организованному местными жителями. Будь у Юры побольше времени, он мог бы прочитать целую лекцию о безопасности на транспортных узлах и перегонах, а также привести несколько примеров диверсий проведенных под прикрытием вот таких вот барахолок. Но времени, впрочем как всегда, почти не оставалось.

– Товарищ капитан… да я бы никогда… – театрально задыхаясь от возмущения залепетал лейтенант, но Егоров не дал договорить, скомандовав:

– Смир-рно! Представиться! Доложить по форме!

Испуганно вытянувшись, лейтенант приложил ладонь к козырьку потрепанной, наверное еще с училища, фуражки и отстрочил давно заученную фразу:

– Младший лейтенант Козьков! Проводим дежурный обход на вверенной территории!

– Плохо проводишь, младший лейтенант! Почему на перроне бардак? Спекулянтов прикормил, воровство покрываешь!

– Никак нет, товарищ капитан! – в глазах бедного участкового отразился дикий ужас. – Боремся в меру возможностей!

– Тебе партия в меру возможностей приказала бороться? – указав пальцем на притихшую девчонку, грозно спросил Егоров. – Почему беспризорники тут бродят?

– Так она эта, не беспризорная, товарищ капитан. Детдомовские они. Сбегают постоянно.

– Вот и верни ребенка туда, где ему быть положено.

Егоров подтолкнул девочку к лейтенанту и посмотрел на исцарапанную руку. Вот кошка, всю кожу ободрала!

– Они у вас не бешенные хоть? – более спокойно спросил Юра, разглядывая ладонь. Кое где на загорелой коже проступили капельки крови.

– Никак нет, товарищ капитан, – вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в плечо беспризорницы, зачастил Козьков, – в детском доме организованы самые лучшие условия для…

– Отставить! – отмахнулся от лейтенанта Егоров. Обернувшись на звук подъезжающего поезда, в очередной раз сверился с наручными часами. Обернувшись к патрулю, прожег лицо каждого долгим взглядом. – Везёт вам сегодня. Некогда мне сейчас с вами возиться. Но поверь мне на слово, в следующую мою остановку в вашем городе лично проверю твою работу и не дай Бог, лейтенант… не дай Бог! Ты меня понял?

Оставив бледного, как смерть, Козькова на перроне, Егоров поспешил найти начальника поезда и уже через десять минут обустраивался на свободном месте в старом вагоне-теплушке в конце состава. Конечно, можно было воспользоваться служебным положением и потеснить кого-то в более комфортных вагонах, но Юра не хотел быть никому обязанным. Если ты ничего не должен человеку, то и спрашивать с него можно по полной.

Случай на перроне не расстроил Егорова, а даже наоборот поднял настроение. Теперь Юра знал, что в славном городе Воронеже есть молодой лейтенант Козьков, который будет особо рьяно исполнять свои служебные обязанности. А это значит, что он только что сделал жизнь в стране чуточку лучше. И нужно не забыть отправить кого-нибудь в детдом для проверки. Козьков говорил про самые лучшие условия. Но так ли всё на самом деле? Человек, способный заняться этим, имеется, нужно будет отправить ему из Москвы телеграмму и дело можно считать решённым.

Пристроив свой походный чемоданчик в изголовье грубо сколоченных нар, Егоров снял сапоги и с удовольствием вытянул ноги. В тесном помещении вагона стоял терпкий дух портянок, немытых тел и лежалой соломы. Надвинув козырек фуражки на глаза, капитан не спеша изучал своих попутчиков. На нарах в дальнем углу спали двое сельчан, выпятив грязные пятки. В стёганых телогрейках, сапоги осмотрительно сложены под головы. Для этих мужиков выход за пределы родного колхоза сродни походу на вражескую территорию. Верить никому нельзя, все вокруг воры и жулики. Как они только спать легли, не побоялись.

Стоило мелькнуть этой мысли, как от буржуйки в углу вагона отошла мешковатая фигура в потертом картузе и присоединилась к двум колхозникам, окинув капитана подозрительным взглядом. Егоров самодовольно хмыкнул. Так и есть, пока двое спят, третий дежурит.

Следующую группу попутчиков Юра, к своему удивлению, определить не смог. Слишком уж разномастная компания получилась. Суховатый старик в потертом суконном костюме мог оказаться школьным учителем, а мог и бухгалтером в одном из государственных учреждений. Тихо беседующий с ним кавказец средних лет одет был более скромно, но вёл себя с “учителем” на равных. Панибратски похлопывая собеседников по плечам, он активно жестикулировал и задорно улыбался, поблёскивая стальными фиксами, чем вызывал регулярные смешки товарищей.

Третий и самый молодой член компании был типичным представителем городской молодежи. Куртка “хулиганка” и франтовые парусиновые туфли, до одурения натёртые мелом, выдавали в нем ярого последователя моды и похитителя женских сердец. Завершала образ модника лихо заломленная на затылок кепка и торчащий из-под нее русый чуб.

Эта компания надолго привлекла внимание Егорова. Из имеющихся данных он смастерил в уме задачу и теперь пытался найти ответ на главный вопрос: что объединяет столь разнообразную компанию, помимо соседних мест в поезде? Родственные связи? Вряд ли. Общая работа? Исключено. Может быть…

Не заметив подкравшейся усталости, Егоров с удивлением обнаружил, что задремал. Когда он спал нормально в последний раз? Последние несколько суток провел в дороге и сборе информации о Михаиле Россе, отдохнуть как следует не удавалось.

При воспоминании о объекте задания капитан устало вздохнул и достал из нагрудного кармана кителя потертую фотографию, которую с таким трудом отвоевал у педантичного Полякова. Пришлось даже звонить в ГЛАВК и подключать Кравцова.

На старом фото было изображение детского дома в Раменском, это недалеко от Москвы. На мраморных ступенях бывшей дворянской усадьбы сидела аккуратная женщина аристократичной внешности, а рядом стоял худой паренек лет десяти. На обороте фотографии дата и лаконичная подпись “М. Росс”. Это было единственное изображение объекта, которое удалось откопать в личном деле бывшего агента. Объяснить столь халатное отношение к ведению делопроизводства никто не смог, да и не хотел.

Спрятав фотографию назад в карман, Егоров взглянул на часы. Если всё пойдет по плану, то к завтрашнему вечеру он уже будет в Москве и наконец сможет начать получать ответы на накопившиеся вопросы. А пока…

С трудом подавив приступ зевоты, Юра оглянулся. Попутчики так же занимались своими делами не обращая на него никакого внимания. Пока что можно и поспать…

* * *

– Вставай боец! Вставай бл…

Конец фразы заглушил разрыв мины за остатками стены соседнего здания. Рефлекторно бросив свое тело на мёрзлую, пропитанную порохом и кровью,

землю, Егоров закрыл собой испуганного вжимающегося в стенку окопа паренька, судорожно сжимающего винтовку.

Спину в районе лопаток не сильно обожгло шальным осколком. Чувствуя, как что то тёплое начинает пропитывать ткань гимнастерки, Юра торопливо, словно боясь, что кто-то заметит, поднялся на ноги и окинул окружающих мутнеющим взглядом. То тут, то там из укрытий на него смотрели глаза. Лица бойцов, покрытые толстым слоем гари и грязи взгляд не воспринимал и различал только блестящие страхом и усталостью глаза.

– Бойцы… гвардейцы… там, – стволом пистолета Егоров указал на одиноко стоящие руины дома в конце улицы, – там последний оплот фашистской гадины в этом городе…

Чувствуя, что задыхается, Юра опустился на колено пытаясь перевести дыхание. Вчерашний выпускник академии СМЕРШ только прибыл на фронт и был, наверное, самым молодым офицером на этом участке. Но это не давало ему никаких поблажек. Здесь, в мало кому известном городке Пулово, выдохлись все. Немцы устали защищаться и, отступив на окраину города, зло огрызались из последних сил, накрывая всю округу огнем полковых минометов. Но и силы Красной армии были на исходе. Все резервы были брошены на решающее направление, на небольшую группу отрезанных от основной армии фашистов никто не хотел тратить ни силы, ни время. Но и оставлять у себя в тылу вооруженную группировку диверсантов было неправильно.

Егоров прибыл на позиции остатков стрелкового батальона за пару минут до гибели последнего офицера. По статистике, младший командирский состав на линии фронта живет в среднем три дня. Командир батальона лейтенант Северов прожил полторы недели. Мина попала в блиндаж комбата и Егоров даже не успел познакомиться со своим предшественником.

И вот теперь он стоит на краю окопа и ищет слова для того, чтобы поднять этих истощенных морально и физически бойцов в бой.

– Товарищи гвардейцы!

И откуда только крепость в голосе взялась?

– Бойцы красной армии! Оглянитесь вокруг! – сделав широкий полукруг рукой, Егоров поёжился. Морозный воздух пробирался к ране на спине сквозь прореху в шинели и больно покусывал обожжённую кожу. – В этом городе давно идет война! И там, – ствол пистолета снова указал на цель штурма, – сидят убийцы наших детей и матерей! Приказываю! Опорный пункт противника захватить и уничтожить! Бить врага без пощады всеми имеющимися средствами! В атаку! – посмотрев на ближайшего бойца, Юра спросил: – Как фамилия?

– Гвардии рядовой Онищук!

– На штурм, гвардии рядовой Онищук!

Схватив за шиворот представившегося солдата, Егоров силком вытолкнул его из окопа. Навел ствол пистолета на следующего. Вцепившись в винтовку, гвардеец зло выругался и полез на край окопа.

– За Родину! За товарища Сталина!

Из полуразрушенных руин раздались разрозненные винтовочные выстрелы, постепенно утопающие в грозном реве злых солдат, бегущих в атаку.

– Ура-а-а!

Окинув взглядом опустевшие окопы, Юра вылез наверх и на заплетающихся от слабости ногах побрел в сторону выстрелов.

– Без пощады врагу, – с трудом шевеля немеющими губами, Егоров поднял пистолет и выстрелил в сторону немцев. Где то в небе тонко запела мина и позади раздался взрыв, больно ударив в спину…

* * *

Тихо зарычав от фантомной боли, Егоров резко сел и некоторое время молча смотрел по сторонам, пытаясь вернуться в реальность. Мерный стук рельс, ночной полумрак теплушки, Москва, детский дом, Михаил Росс.

Вытерев тыльной частью ладони испарину со лба, Юра откинулся на спину и некоторое время молча лежал, восстанавливая дыхание. Воспоминания войны не стирались временем и не становились слабее. Сколько раз во снах он брал штурмом чёртовы развалины? Сто? Двести? И ведь это еще не самые страшные воспоминания молодости…

– Отдай…Отдай! Не честно так!

Возмущенный голос из полумрака вернул Егорова в реальность. Только сейчас он заметил, что две компании попутчиков объединились и сгрудились около импровизированного стола из пустых ящиков. В тусклом свете керосиновой лампы Юра разглядел очертания колоды карт и перекошенное от злобы лицо одного из колхозников, нависшего над тщедушной фигурой “учителя”.

– Ты мухлевал, не может быть что тебе четыре туза…

– Э… слющай, что ты такое говоришь, брат? – вступился за попутчика кавказец. – Тебе же никто не говорил, что ты мухлюешь, когда ты выигрывал?

– Действительно, будь мужчиной и держи свое слово! – влез в разговор “модник”. – Зигмунд Якобович тебе честно выигрыш отдавал!

– Я, между прочим, на свои последние сбережения играл, – наставительно подняв кверху сухой палец, прокартавил “учитель”. – И если бы у меня не получилось отыграться, ночевать бы мне на вокзале в Москве. Что то я не помню, уважаемый, что бы вас интересовала моя судьба в тот момент, когда вы выигрывали!

– И имя у него какое то фашистское, мужики, – резко перевел тему проигравшийся колхозник. – У меня знакомых Зигмундов нет. Как пить дать, шпион это!

– Да немец это, точно немец! Признавайся жулик, ты из пленных?

– Побойтесь Бога, граждане, – примирительно поднял руки Зигмунд Якобович. – Моя родина Одесса. Вы бывали в Одессе? Если бы маменька услышала, что меня приняли за немца, она бы этого не пережила…

– Ты стрелки не переводи! – кавказец выразительно хрустнул костяшками пальцев и заслонил спиной “учителя”. – Ты старику денег должен. А старость надо уважать!

– Да пошел ты!

Отшвырнув ящики в сторону, колхозники, затаптывая кирзовыми сапогами разбросанные на полу карты, вплотную придвинулись к троице картежников. Со стороны Егоров заметил тускло блеснувшее лезвие заточки в руках “модника”. Наспех надев сапоги, он вскочил на ноги и скомандовал:

– Отставить драку!

– Не лезь, военный, – не отводя звериного взгляда от лица колхозника, процедил кавказец. – Эти жулики старика обижают. Сейчас мы им за это…

Закончить фразу Егоров ему не позволил. Прямой удар в солнечное сплетение выбил воздух из груди заводилы. Перехватив руку “модника”, заломил кисть, заставляя выронить заточку. Подсечка с одновременным ударом ребром ладони в район сонной артерии отправили парня в гарантированный нокаут.

Злобно прошипев проклятие, старик с неожиданной прытью кинулся на капитана, неуловимым движение выхватывая из кармана “финку”, излюбленное оружие криминальных слоев послевоенного СССР. В последний момент сместив корпус в сторону, Егоров ударил старого уркагана локтем в висок, тем самым отбросив жилистое тело на заплёванный пол.

– Разошлись!

Для убедительности пнув корчащегося на полу кавказца в район печени, он вызвал сдавленный хрип, который подействовал на колхозников отрезвляюще. Ободренные поддержкой попутчика-капитана, мужики уже потянулись за валяющимися на полу ножами. Пришлось достать пистолет и убедительно перещелкнуть затвором.

Угрюмо ворча, словно разбуженные после спячки медведи, колхозники отступили к своим нарам. Егоров тем временем собрал холодное оружие и

сноровисто обыскал стонущих от боли железнодорожных гастролеров. За пазухой старика оказался старый немецкий Вальтер, а в рукаве несколько крапленых карт, которые он швырнул на пол под одобрительные возгласы колхозников. Дёрнувшегося было старика Егоров без стеснения приложил рукоятью служебного ТТ по спине:

– Лежать, урка! Кому сказано было?

– Обижаешь начальник, – сбрасывая остатки маскировки, зашипел в ответ старик, – жиган урке не товарищ…

– Политический значит? – осклабился Егоров и с оттяжкой приложил тяжелым носком сапога в жилисты бок, – Тебе же хуже!

Обернувшись к притихшим колхозникам, он зло поиграл желваками:

– Судить их будет Советский суд. Мы не варвары! Это всем понятно?

Убедившись, что жажда крови у мужиков поугасла, Юра связал с их помощью карточных жуликов и сдал их на ближайшей станции наряду полиции, пообещав заспанному капитану на милицейском посту выслать объяснительную из Москвы почтой. Прибытие ещё не скоро, поэтому можно продолжить отдых. В вагоне спится просто отлично…

Глава 6

Элизабет Бёллер закончила институт в тысяча девятьсот сороковом году и её уже ждала престижная работа. Всё благодаря связям деда, который был другом самого Гиденбурга. Ни того, ни другого давно нет в живых, но связи остались. Отец сделал всего лишь один визит, это было ещё до поступления дочери, и должность в Ананербе была гарантирована. Родители, конечно же, хотели для ребёнка другого, но не могли ничего поделать с ее тягой к физике. Единственная дочь фанатично бредила образом Марии Кюри, мечтала затмить ее в учёном сообществе. И, в конечном итоге, согласились. Так, впервые за много поколений, в семье Бёллер, неразрывно связанной с политикой, появился

учёный. Который, если бы всё сложилось хорошо, мог стать мировой известностью. Но, увы, война решила иначе. Точнее, её исход…

Германия проиграла. Советские войска были подобны стихии, остановить их было невозможно. Отдел, в котором работала Элизабет, назывался Anderweitig Welt (немецкий, на русском – Иной Мир). Генрих Гиммлер, не желая отдавать наработанное русским, приказал уничтожить отдел вместе со всеми, кто там работал. Лишь благодаря отцу девушка спаслась, но это стоило жизни её матери, Мириам Бёллер, которая в свои сорок шесть выглядела не старше дочери, хотя той в тот момент было всего двадцать семь. Вальтер Бёллер пожертвовал женой, чтобы спасти единственного ребёнка. обман был раскрыт и отца убили через семь дней после матери, но добраться до Элизабет палачи СС не смогли, она на тот момент была уже вне зоны досягаемости, на другом материке.

Фрейлейн Бёрне пришлось учиться играть в прятки и она научилась. Спустя семь лет, как окончилась война, Элизабэт всё так же сильно мечтает закончить начатое. Иной мир, технология порталов, другой мир, грандиозный скачок в развитии человечества. Увы, но всё сложилось совсем не так, как хотелось…

Менять место жительства каждые полгода – это стало для беглой немки чем-то вроде религии. Она понимала, что такое не забывается и её будут искать до конца. Русские, американцы, англичане и евреи – всем нужна ученая, обладающая важным багажом знаний. Обменять свободу на оковы, пусть это будут самые желанные оковы – работа всей жизни, Элизабет была не готова. Нет, в глубине души она понимала, как это будет выглядеть, если она наконец-то раскроет себя, но перебороть панический страх, выработавшийся в апреле сорок пятого, не могла. И поэтому продолжала прятаться, каждый день терзаемая сомнениями.

Шесть месяцев жизни в Перу пролетели быстро и пришло время менять место жительства. Австралию Элизабет выбрала не просто так, восемь лет в Южной и Северной Америке выработали у неё отвращение к этим материкам. Материк-эндемик был маленькой мечтой, который нужно будет покинуть так же через пол года. Потом будет Новая Зеландия, а после неё путь ляжет в Азию. Увы, но вернуться домой, в Германию, сердце к которой привязано навеки, фрейлин Бёрне вряд ли суждено.

Гордость Британской судоходной компании Cunard Line, самый крупный океанский лайнер Queen Elizabeth (англ – Королева Элизабет), могучий тёзка путешественницы, отдыхал в порту города Пайта перед долгим переходом в австралийский Сидней. Элизабет была в плохом настроении. Полтора месяца в стальной темнице каюты во время путешествия никак не радовали. Решив напоследок запастись положительными эмоциями, девушка посвятила последний день на суше путешествию по узким улицам портового города и приятному вечеру в элитном ресторане при морском клубе для офицеров. Последнее было опасно, Элизабет могли опознать. После войны многие офицеры Третьего Рейха, те, которые не были замечены в особых зверствах или отсидевшие небольшие сроки, подались в торговый флот и работали во многих компаниях по всему миру. Дочь знаменитого и влиятельного господина Бёллера могли узнать, но всё обошлось. Пару раз на её столик официант приносил записки от молодых капитанов, девушка была еще молода и не растратила красоту юности, но более решительных действий в её сторону не последовало.

Когда Элизабет поднялась на борт, она была чуть более уставшей чем обычно и вино приятно шумело у нее в голове. Даже появилась шальная мысль продолжить вечер в корабельном ресторане, но здравый смысл взял верх и девушка вернулась в каюту. Здесь, за прочной дверью из красного дерева, она чувствовала себя в безопасности. Ослабив пояс юбки, Элизабет облегченно вздохнула. Современная мода позволяла женщине ее возраста и статуса многое, но изнуряющая жара Южной Америки сводила на нет все послабления. Плотная ткань расклешенной юбки почти не пропускала воздух, а широкий пояс так облегал тело, что чувствительная к температуре кожа немки покрывалась алыми пятнами. Стремясь побыстрее избавиться от оков одежды, Элизабет торопливо расстегнула ворот блузки и с трудом сдержала испуганный крик.

– Элизабет… – хрипло прошептал Матиас выходя из темного угла каюты. – Ты все же здесь… Я рад, что нашел тебя.

– Ты… что ты здесь делаешь? – сквозь зубы прошипела Элизабет, узнав в незнакомце своего бывшего любовника. – Я же говорила тебе, что между нами…

– Я пришел предупредить! – торопливо перебил девушку парень. Матиаса было сложно узнать. Жгучий взгляд метиса испуганно метался из стороны в сторону, а бронзовая кожа, которую так нравилось ласкать немке, выглядела серой и безжизненной.

– Предупредить? Меня?

Пальцы девушки нащупали тонкое лезвие стилета в складках юбки. Что еще задумал этот пройдоха? Может быть Элизабет и выглядела беззащитной, но никогда такой не была. Воспитанная примером великих женщин своего времени и выросшая в тени могучего отца и деда, девушка всегда могла постоять за себя.

– Тебя ищут, – забормотал Матиас, настороженно поглядывая на входную дверь. – Бёрнс убит! Мои и его люди убиты! Я единственный выживший!

С тоской посмотрев в темный провал иллюминатора, Элизабет зло скрипнула зубами. В голове девушки похоронным набатом отдавались последние слова Матиаса. Бежать! Немедленно! Корабль отплывает на рассвете, это так долго! Девушка злилась на свой страх и на то, что простые слова вызвали у неё этот приступ с трудом контролируемой паники.

– Возьми меня с собой, договорись с капитаном. – Матиас торопливо достал из поясной сумки горсть золотых самородков, бывших в ходу у местных контрабандистов. – У меня есть деньги! Возьми меня с собой…

Испуганную речь бывшего любовника прервал требовательный стук в дверь. Голос, приглушенный перегородкой, выражал крайнюю учтивость:

– Мисс Аройни? (именно под этой фамилией путешествовала Элизабет) Это стюарт и у меня письмо от капитана Бревенгтона.

– Нет! – испуганно округлив глаза, бросился на колени Матиас. – Не открывай дверь! Это может быть он!

“И эту падаль я пустила в свою постель?” – удивленно подумала девушка. Брезгливо отстранившись, Элизабет запахнула расстегнутую блузку и повернула ручку замка.

– Жил отважный капитан, он объездил много стран… – напев слова песни, Росс вошел в каюту и улыбнулся Матиасу. Аргентинец, скованный ужасом, не рискнул пошевелиться. Кивнув на девушку, Михаил поблагодарил смуглокожего: –

Спасибо, что привёл меня к ней. Амзель дал слишком мало информации, но помогла твоя похоть. Да, мисс Бёллер? Если бы не этот трус, то мне бы пришлось искать вас намного дольше, а время, как вы знаете, очень ценный ресурс. Я даже завидую вам в какой-то мере, ведь вы, кто играет в прятки, времени имеет просто невыносимо много. Фройляйн, вы согласны со мной?

– Матиас, ты убил меня! – Элизабет не смогла сдержать гнева. Трусливый абориген, утопая, потянул её за собой.

Двоюродный дядя Бёрнс Амзель стал ниточкой, которая привела этого человека к ней. Но почему мальчишка? И почему немец? Голубоглазый, такой красавец, в нём точно есть арийская кровь. Будь ты проклят, Матиас!

В руке немки мелькнуло серебро клинка и Матиас, обхватив горло руками, плавно осел на пол. Михаил, увидев лужу растекающейся крови, усмехнулся и сказал:

– Однако хорошее у нашего знакомства начало, фройляйн. Думаю, что мы сумеем договориться. Уверен в этом как в самом себе. Вы вроде бы хотели раздеться, вам помочь?

– Не подходи или я тоже убью тебя! – Элизабет встало спиной к стене, выставив стилет на вытянутых руках. Ей уже приходилось убивать один раз, но было это давно, ещё в сорок пятом и то убийство было случайностью. Сейчас же всё вышло намеренно, она отдавала себе отчёт в действиях, когда решила проверить на горле Матиаса остроту лезвия. Но, от осознания никуда не денешься и, тем более, этот человек был когда-то его возлюбленным. Когда по каюте поплыл сладковатый запах крови, хрупкая фигура девушки надломилась и опасно закачалась. Тошнота сковала нутро, а в голове закрутилась круговерть.

Голубоглазый юноша не дал девушке упасть. Лишив руку ножа, он аккуратно положил Элизабет на кровать. Пребывая в состоянии полубреда, она заговорила с Россом:

– Бёрнс Амзель был моим двоюродным дядей. Он часто помогал мне финансово, я редко встречалась с ним, раз в два-три года. Там и познакомилась с Матиасом. Если бы этого не было, если бы я жила скромнее и только на деньги родителей, ты бы не нашёл меня?

Михаил, заперев дверь, тихо ответил:

– От меня невозможно спрятаться. Ни в этом мире, фройляйн Бёллер, ни в том, который вы прозвали Иным. Просто примите сказанное как факт – если мне нужна информация, то я её получаю. Любой ценой!

– Я убила человека! – прошептала Элизабет, придя в себя и увидев тело мёртвого Матиаса, побледнела от страха. – Что теперь будет? Меня ждёт…

– Ничего не будет. – Михаил, листая журнал, посасывал лимонный леденец, найденный на полке в вазочке. Наличие трупа у ног его не смущало, привык. Заговорщицки подмигнув немке, он успокоил её: – Считаем, что его убил я. Мне ничего не будет, можешь поверить. От трупа, конечно же, придётся избавиться. Вынести целиком его не получится, поэтому сделаем это частями. Ох и не люблю я подобные мероприятия.

– По частям? – глаза Элизабет почти достигли размера иллюминатора. – Ты собрался…

– Я? – одна из бровей Росса взметнулась вверх. – Огорчу вас, фройляйн Бёллер, но “я” придётся заменить на “мы”. Вместе как минимум быстрее. Приступаем…

* * *

Двадцать два года – столько лет назад Михаил появился на свет. И за это не слишком большое количество времени он успел сделать очень многое.

До главной цели жизни, конечно же, пока далеко, но сомнений, что она будет достигнута, нет. Добиваться поставленных задач – это один из столпов личной религии Михаила, от которой он не отступится никогда. Проматывая свою жизнь раз за разом и выискивая в ней ошибки, Росс не раз задавал себе вопрос – а как бы сложилась его судьба, если бы не было интерната? Увы, ответа на него он не имеет. Чтобы узнать его, нужно всё изменить и прожить другой жизнью, а это невозможно.

Интернат, в котором Миша впервые осознал себя в возрасте двух лет, наложил на его жизнь несмываемую печать. Он рос среди кусачих волчат, вечно голодных, агрессивных. И понимал, что для того, чтобы выжить, ему нужно встать выше их. Страх – главное оружие в такой борьбе, напуганный враг – побежденный. Свою первую победу Росс отпраздновал, когда ему не было пяти лет. Мальчишка, значительно старше и больше, попытался отнять еду у более слабого и поплатился за это жизнью. Тогда Михаил убил впервые. И понял, что лишение жизни человека ничем не отличается от лишения жизни таракана или любого другого существа. Обычное, часто встречающееся, явление, и не более.

Сегодня оно повторилось. Элизабэт убила Матиаса. К их общему сожалению, она сильно поспешила и поэтому им сейчас приходится заниматься неприятным делом. Убивать Аргентинца в каюте Росс не планировал. Жизнь, как не крути, нужно упрощать по максимуму.

Выбросив в море голову, завёрнутую в тряпки, Михаил брезгливо посмотрел на испачканные руки и пробормотал:

– Неприятную работу можно считать законченной. Элизабет, впредь не повторяй таких глупых ошибок и, прежде, чем что-то сделать, думай.

– Там мужчина смотрит! – немка испуганно захлопала глазами.

– Да пусть смотрит, нам-то какое дело? Мы просто выбросили в океан старую одежду. Так сказать, избавились от прошлой жизни. В новую с новым!

Росс подхватил взвизгнувшую от неожиданности Элизабет и закружил её. Глядя в звездное южное небо, крикнул:

– Да здравствует новая жизнь!

Вернув девушку на ноги, он приобнял её за талию и, изображая влюбленную пару, повёл обратно в каюту, шепнув на ухо:

– Считаем дело сделанным и приступаем к самому главному – допросу с пристрастием. Обещай кричать и сопротивляться…

* * *

– Мне не нравится эта комната… – Элизабет, всё ещё не отойдя от шока, замерла у открытой двери, не рискуя войти. – Тут пахнет смертью…

– Тогда предлагаю сменить каюту, – сказал Михаил и, спустя десять минут, он и Элизабет сидели в новом, более просторном и комфортном помещении.

– Это, наверное, стоило больших…

– Денег? – Росс усмехнулся. – Если у тебя их недостаточно, то могу поделиться. К тому же, владеть этим золотом у тебя есть полное право, потому что принадлежало оно Бёрнсу Амзелю, а он твой родственник.

Русский с внешностью арийца, к такому Элизабет жизнь не готовила. Человек, забравший жизнь её дяди, выглядит совсем молодо, двадцать с небольшим лет, точно не больше. Нет, конечно же, так можно выглядеть и в тридцать пять, но что-то подсказывает ей, что этому парню именно столько, насколько он выглядит.

– Мне хочется узнать твой возраст… – робко сказала немка, присев на пуфик возле двуспальной кровати, на которой, положив обе руки за голову, расположился Росс. Намеренно посмотрев на дамочку с удивлением, он спросил:

– И это тебя интересует больше всего? А как же дядя? Даже не спросишь, как я убил его? И что насчёт кровной вражды?

– Мой дядя заслужил самую страшную смерть, которую ты только можешь представить. – Воспоминания вихрем закружились в голове Элизабет и тошнота не заставила себя ждать. Сделав несколько глубоких вдохов, она продолжила говорить: – Моя работа… мне довелось увидеть такое… дядя Бёрнс и многие другие, не заслуживают жизни…

– Мне двадцать два. Что по части страшной смерти… Если Ад существует, то все немцы, которых я убил, сейчас смеются над чертями, которые пытаются их чем-то удивить.

Набравшись смелости, Элизабет задала самый важный для нее вопрос:

– Моя судьба, что меня ждёт в ближайшем будущем?

Уловив страх в голосе немки, Михаил постарался ответить максимально успокаивающим и ласковым тоном:

– Ничего такого, из-за чего следовало бы бояться. Мы оба знаем, кем вы были, Элизабет, и кем вы являетесь сейчас. Пока я не готов посвятить вас в свои планы и у нас просто есть время до Сиднея, чтобы насладиться обществом друг друга.

– Теперь я ваша пленница?

Последние слова немки заглушила сирена корабля, Queen Elizabeth извещал порт о своем отплытии. Михаил улыбнулся:

– Все мы пленники корабля до его прибытия в порт назначения, Элизабет. Могу вам пообещать, от меня вам не стоит ждать неприятностей.

Девушка улыбнулась кончиками губ. Этот парень был чертовски опасен, но именно рядом с ним она ощутила давно забытое чувство покоя. Кокетливо поправив выбившийся из прически локон, Элизабет сказала:

– Тогда я попрошу составить мне компанию в ресторане.

– А вот это, с превеликим удовольствием, – улыбнулся в ответ Михаил. – Признаюсь честно, я чертовски голоден!

Глава 7

– Тётя Валя! Тётя Валя, вы здесь?

Скользя по мокрой плитке грязными пятками, в пищеблок залетел Гришка. Дыша ртом, словно рыба, он оглядел помещение кухни и, пробуксовывая на месте,

бросился к грозно нахмурившейся нянечке.

– Куда по мытому, оболтус! – замахнулась тряпкой на пацана женщина, но в последний момент остановилась, уж больно испуганным выглядел малец. – Случилось чего? Поранились?

– Тётя Валя! – задыхаясь от недавнего бега и возбуждения, прошепелявил Гришка. – Там за вами пришли ЭТИ… из органов!

Чувствуя подступающий к груди комок холода, Валентина Степановна выглянула в окно и увидела две мужские фигуры, быстрым шагом идущие в сторону кухонного корпуса. Одного из мужчин она угадала сразу, Силин Прокофий Николаевич был директором детского дома, в котором она работала и теперь торопливо семенил рядом с высоким шатеном в военной форме, размеренно шагающим по тропинке.

“Господи, откуда они узнали”, медленно осела на пол Валентина. Ноги внезапно сделались ватными и перед глазами всплыл образ соседа Антоныча. Ему, по доносу о краже со склада текстильной фабрики, суд дал четыре года. Вернулся он год назад, без четырех пальцев и постаревший сразу лет на пятнадцать.

Валентина Степановна не считала себя плохим человеком. Зимой было голодно и она, не ради себя, а ради двоих детей, умыкнула с пищеблока свёрток с говяжьей костью для бульона. Совесть её грызла не долго, всё же свои дети ближе к телу, да и на ситуации с детским домом это никак не отразилось. Пропажи просто никто не заметил. И вот теперь, спустя целых пол года…

– Валентина Степановна? Валентина Степановна, с вами всё хорошо? – над женщиной склонился Прокофий Николаевич и испуганно тряс её за плечо. – Как вы себя чувствуете?

– Хо… хорошо… – слабо выдохнула Валентина поднимаясь с помощью заботливо предложенной руки Прокофия Николаевича. – Вот, полы мыла и что-то в глазах потемнело…

– Валентина Степановна, познакомьтесь! – начальник отошёл в сторону и женщина оказалась лицом к лицу с пришедшим по её душу дьяволом. – Это капитан Егоров, он ищет нашего выпускника, Мишу… Мишу Росса. Он ведь был

вашим воспитанником?

– Миша? – рассеянно повторила Валентина, чувствуя как приступ паники отступает и в памяти всплыло хмурое, почти никогда не улыбающееся лицо мальчика. – Да… Мишу помню…

– Добрый день, Валентина Степановна, – улыбаясь одними губами произнес капитан и протянул для рукопожатия руку. – Можете звать меня просто – Юра. Где мы можем поговорить спокойно и без свидетелей?

* * *

Закрыв скрипучую дверь на щеколду, Валентина Степановна указала на низкий топчан, укрытый ватной жилеткой, стоящий у окна:

– Вы можете присесть здесь, Юра. Это будет удобно?

– Вне всяких сомнений, – улыбнулся капитан, со вздохом облегчения опустился на лежанку и вытянул ноги. – Вы меня простите за развязность, но можно я сниму сапоги? Вторые сутки в дороге…

Молча кивнув, Валентина поставила на пахнущую старым деревом табуретку горячий чайник и достала из тумбочки кружки и жестянку с чаем. Дрожь в руках отступила совсем недавно, но слабость осталась. Ей стоило большого труда кинуть щепотку чая в кружку и налить кипятка не промахнувшись.

– Почему вы не захотели поговорить в кабинете Прокофия Николаевича? – пытаясь говорить спокойно, спросила Валентина, – Там было бы удобней, у него диван…

– Хотелось бы провести наш разговор без лишних ушей, Валентина Степановна, – ответил Егоров, стаскивая с ног сапоги. Обернувшись, он некоторое время сверлил её холодным, немигающим взглядом. – Вы боитесь меня, Валентина?

– Нет… с чего бы мне бояться вас?

– По вашим глазам я вижу, что у вас есть камень за пазухой, – по доброму усмехнулся капитан и потянулся за кружкой. – Вы не умеете врать. Но, бояться меня вам не нужно. Если бы я хотел…

– Нет у меня камня, – срывающимся от волнения голосом, ответила Валентина, но осеклась под мгновенно ставшим строгим взглядом офицера.

– Бояться меня не нужно, – с нажимом повторил Егоров. – Меня не интересуют ваши мелкие делишки. До вас ещё не дошло, что комитет государственной безопасности не занимается мелкими хищениями? Меня интересует Михаил Росс и всё, что вы можете рассказать о его детстве и последующей жизни. Вы поддерживаете с ним контакты? Он пишет письма?

Чувствуя, как ноги снова становятся ватными, Валентина Степановна присела на широкую скамью у стены напротив и отрицательно помотала головой.

– Мне нужно знать про этого человека всё. Как он попал в интернат, как себя вёл, куда после направился. Вы расскажете мне о его увлечениях, влюбленностях, страхах. И если информация будет для меня полезной, я не стану интересоваться ВАШЕЙ жизнью.

Свои акценты капитан успешно указал интонацией. Егоров искренне не понимал и не любил, почему его, защитника Родины и поборника коммунистической партии боятся те, кого он защищает, но иногда страх оказывался лучшим средством. И если эта женщина предпочитает страх, то она его получит. Взяв со стола вторую кружку с чаем, он протянул её собеседнице.

– Выпейте, успокойтесь и рассказывайте с самого начала. Начните с момента, когда вы впервые увидели мальчика.

Покорно сделав глоток из кружки, Валентина поперхнулась и надолго закашлялась. Однако эти секунды помогли ей прийти в себя. Отставив кружку в сторону, нянечка начала свой рассказ:

– Это был тысяча девятьсот тридцатый год, конец января… не соврать, вроде бы двадцать седьмое число… можно посмотреть в книге учёта детского дома, там всё записано. Примерно в три ночи в детский дом на санях приехала молодая семья, они нашли на дороге выброшенного кем-то младенца, завернутого в

очень странную ткать. Мы ещё удивились тогда, расцветка странная, и на морозе она всегда тёплой оставалась, недоумевали все. Но это ещё не всё! После того, как ребёнка занесли в тепло, ткань начала разрушаться и просто исчезла, испарилась спустя час. Как сейчас помню, что всё это было взаправду, а не показалось… Тогда ещё сторож наш, Панкрат, говорил о божьем замысле… Ох, отвлеклась я, надо же про Мишу рассказать вам. Привезла его семья по фамилии Росс, поэтому такую же мы дали младенцу. А Михаилом прозвали, потому что кряхтел он как медвежонок, пока маленьким был. Даже во сне. – В какой-то момент лицо женщины прояснилось захваченное радостью воспоминаний и она, принявшись активно жестикулировать, выдала: – Мишка, он был уникальным, развивался не по возрасту, в семь месяцев ходить начал, в год уже болтал не умолкая, вопросы только и сыпались. Опережал развитием сверстников, в два года делал то, что некоторые в пять плохо умеют. Ох, какой он был, прекрасный малыш. Пока не повзрослел. А повзрослел Мишутка рано, пяти ему ещё не было, тогда-то и произошла та неприятность, не углядели мы…

Валентина не смогла сдержать слёз и только сказала:

– Простите меня…

– Ничего страшного, дайте волю эмоциям, не держите их в себе. – Юра дождался, пока женщина успокоится и попросил: – А теперь, пожалуйста, продолжайте.

Нянечка, всхлипнув в последний раз, вернула голосу твёрдость и поведала:

– Был тридцать пятый год, начало января, еды тогда не хватало, голодали. Сенька Трофимов повадился у малышей её отбирать, ему семь было, он всё так хитро обставлял, да и ребята молчали. Мишку Росса он не трогал, знал, что у того характер тяжёлый, но тут его, видимо, сам чёрт к нему подойти надоумил. Мишутка гвоздиком на стене царапал и грыз сухарик, а Сенька, сзади подкравшись, ударил его и сухарик отобрал. Обычно мы, если кто-то плачет, старались не вмешиваться и, будь на месте Мишки другой ребёнок, всё так и было бы, но нет, плачем не обошлось. Крик раздался очень сильный, он даже на улице был слышен, все тогда до смерти перепугались… – эмоции снова взяли над Валентиной верх.

Егорову вновь пришлось ждать. Окончание истории он услышал только по прошествии пяти минут. Нянечка так и не смогла успокоиться и заканчивала рассказ утопая в слезах.

– Мы когда прибежали, Мишка стоял и грыз свой сухарик, а остальные дети жались к друг другу в дальнем углу комнаты. Сенька лежал на полу, лицом вниз. Сильно дёргался… Вокруг него было много крови… Миша его… он ему… гвоздем в глаз… ткнул глубоко, со всей силы… Сеня кричал, ему было страшно, но Миша не остановился… Гвозди тогда лежали в комнате, нам их с района прислали целый ящик для ремонта… вы, вы же поняли меня, Юра?

– Да, Валентина Степановна, я вас понял. – Юра поиграл желваками. – Миша порезал Сеньку. Надеюсь рана была неопасной?

– Неопасной? Вы не поняли меня, Юра! – женщина вскочила. – Он… он ему жилу на шее вскрыл… словно знал, куда бить надо!

– Может быть и знал… – пробормотал Егоров. Дело обрастает новыми красками. Росс стал убийцей в неполные пять лет. В голове такое уложить сложно, информация из ряда вон выходящая.

Понимая, что разбередил нянечке душу и успокоить её сейчас можно даже не мечтать, Егоров продолжил задавать вопросы:

– Что было после убийства? И как сложилась дальнейшая судьба Росса после случившегося?

– А что случившееся? Ребенку всего пять лет, да и не первая смерть это была в том году. Зима лютая выдалась. Трое замёрзли, когда из интерната сбежали, ещё двое под лёд на озере провалились… От болезни двое… Смерть Сеньки никого не удивила тогда из начальства, списали на несчастный случай. Кто же будет грех на душу брать и дитя убийцей клеймить?

– Я так подозреваю, что Михаил повторял подобное? – уточнил Егоров, но Валентина в ответ только грустно улыбнулась.

– Да кто же к нему сунется после такого? Все дети его боялись и за глаза мясником называли, но в лицо такое ему никто не говорил. Да и сейчас среди воспитанников страшилка гуляет про мальчика, который приходит по ночам, выкалывает детям глаза и пьёт кровь. Но вы не подумайте… Миша… он не был злым… он просто другой…

Ухватившись за мысль, Егоров сказал:

– Попробую угадать. Михаил был расчётливым ребенком и ситуация с Сеней имела лишь одно направление – сделать так, чтобы никто и никогда больше не пытался у него что-то отобрать. Такой вариант возможен?

– Юра, я даже не задумывалась о таком… – Валентина испуганно прикрыла рот ладошкой. – А ведь правда! Он никого не задирал, не пытался выделиться в коллективе, как это делали другие. Миша был замкнутым мальчиком, и все случаи с ним происходили только когда кто-то пытался нарушить его личное пространство.

– Всё-таки были другие случаи? – уточнил Егоров.

– Все другие происшествия заканчивались просто дракой. Миша просто бил обидчиков. Больно, основательно, но без увечий. И никогда не жаловался и не искал справедливости у воспитателей. Возможно, именно благодаря этому он и заслужил своеобразное уважение среди сверстников. Вы же знаете, как в детском коллективе относятся к доносчикам?

– Неужели он никогда не оказывался в позиции проигравшего? – удивлённо вздёрнул брови Юра. – Всё-таки он не один год прожил в интернате.

– Скажу вам честно, – немного замявшись, ответила Валентина. – Эти дети беспризорные, сегодня они здесь, а завтра сбегут. И голодно у нас бывает, и работать заставляем.

Проведя шершавой ладонью по стоявшей в сторонке табуретке, нянечка уточнила:

– Этот табурет сделал Миша. Посмотрите, какая аккуратная работа. У нас при интернате свой швейный цех и столярная мастерская. По установке партии мы приучаем детей к труду и даём профессию. Летом дети работают на интернатовском огороде, зимой в цехах. Нужно же как-то дополнительные средства изыскивать. Не всем воспитанникам это нравится и они сбегают.

В памяти Егорова всплыл образ попрошаек с Воронежского вокзала.

– Но Миша никогда не сбегал, – вернувшись из воспоминаний, продолжила Валентина. – Он словно принимал условия договора. Честно работаешь и интернат обеспечивает тебя пищей и кровом. Он прилежно учился, вообще впитывал любые знания до которых мог дотянуться. Любил изучать иностранные языки, в библиотеке интерната было несколько учебников, он сносно говорил на немецком, испанском и французском. Понятно, что ему не хватало практики, но даже военные были удивлены. А на отборе в специальное училище Миша показал отличные результаты не только среди сверстников, но и в сравнении с ребятами которые были старше.

– А вот с этого места поподробнее, – встрепенулся Егоров, – что за специальное училище? Кто руководитель? Где находится?

Глава 8

Особливо стоящий дом на окраине Раменского с первого взгляда выглядел нежилым. Лишь по небольшой натоптанной тропинке в зарослях буйно разросшегося по двору бурьяна можно было понять, что в доме есть обитатели. Егоров долго изучал взглядом старую постройку с покосившейся крышей и заросшими вьюном стенами, прежде чем постучал в низкую, сделанную по старинке, дверь.

– Кого там леший принёс? – пьяный голос из глубин дома заставил Юру сдержанно улыбнуться. – Катитесь вы к чёрту!

– Я ищу полковника Брота, – брезгливо отодвинув пальцем грязную тряпку, закрывающую разбитое стекло в окне, ответил Егоров.

– И кто интересуется?

За дверью послышались звуки передвигаемой мебели, шум упавшей посуды. Спустя пару минут за грязным стеклом показалось пропитое лицо хозяина дома. Сильно опухшие веки и нездоровый окрас лица неоднозначно намекали на то, что старик активно “сидит на стакане” и делает это довольно давно.

– А-а-а, военный! – зло оскалившись и показав гнилые зубы, протянул алкаш. – Чего тебе надо? Я свои долги Красной армии уже отдал. Пенсия!

– Информация, – коротко ответил Егоров с недоумением разглядывая существо за окном и не понимая, как мог так низко упасть бывший военный и руководитель специального училища НКВД. Он всегда считал, что такую должность может получить только морально устойчивый человек. Ладно Южаков. Бывший ефрейтор никогда не выделялся морально-волевыми качествами. Звёзд с неба не хватал, но и трусом не был. Он был одним из многих, кто прошёл войну от начала до конца и сломался только после победы, как только остался без контроля командиров. Но полковник НКВД награжденный орденом Мужества и Звездой Героя? Неудивительно, что в управлении о нём старались не упоминать.

– Нужна информация – беги в архив, капитан, – презрительно сплюнул Брот. – Я мемуары не пишу и не собираюсь. У меня секретность.

– Я в курсе, Леонид Юрьевич. – Достав из нагрудного кармана удостоверение, Егоров показал его бывшему полковнику. – Но в архивах этой информации нет и вы единственный, кто может прояснить ситуацию.

Лицо в окне исчезло и из глубины дома вновь послышались звуки передвигаемой мебели и незамысловатые матерки его обитателя. Спустя пару минут входная дверь распахнулась и на пороге появился Брот с накинутым на плечи офицерским кителем, покрытым непонятными пятнами. Пытаясь стоять ровно, полковник окинул гостя мутным взглядом.

– Ты как с полковником разговариваешь, капитан? Смир-р-на!

– Да что же это такое? – тихо прошептал Юра и отработанным ударом в грудь отправил шатающееся тело в темноту коридора. – Никто не хочет сотрудничать

по-хорошему.

Можно было решить этот вопрос мирно, но финт с кителем и пьяной командой вывел капитана из себя. Такого оскорбления чести мундира он спустить на тормозах просто не мог. Выждав десять секунд и, убедившись, что Брот не подаёт признаков жизни, он зашёл в дом и выволок его за ногу во двор словно мешок картошки.

Проверил пульс. Живой. Подошёл к замеченному ранее колодцу и не спеша, насвистывая под нос мелодию марша Победы, набрал ведро воды. Словно в детстве, черпая воду ладошкой, напился ледяной воды, от которой заломило в затылке.

– Попытка номер два!

Окатив лежащее на земле тело, отскочил в сторону от брызг, разлетающихся в сторону.

– А… ах… уф…

Судорожно задёргавшись, Брот сел и, тяжело дыша, огляделся.

– Капитан… тебя за такое… под трибунал…

– И на расстрел, – добавил от себя Егоров, присев на корточки. – Слушай меня, полковник! Если в управлении узнают про твои представления перед гостями в кителе, на котором висит звезда Героя Советского Союза, то это не меня, а тебя к стенке поставят. Ни к чему владельцу особо ценной и секретной информации в пустую небо коптить. А вдруг заболтаешься в пьяном угаре и раскроешь военную тайну?

– Не… – упрямо замотал головой Брот. – Я – могила!

– Слушай, могила, – зло передразнил собеседника Егоров. – Я уже устал с тобой нянчиться, мы здесь побеседуем или в управление поедем?

– Здесь… – после недолгого молчания ответил отставной полковник. Судя по голосу, холодный душ подействовал на него отрезвляюще. – Только дай еще раз удостоверение посмотреть, я кому попало информацию давать не буду.

– Да пожалуйста, – протянул книжку Юра и кивнул в сторону небольшой лавки у стены дома. – Только внутрь, пожалуй, заходить не будем, душок там… не очень…

Присев на скамейку, оба некоторое время молчали. Брот внимательно изучил удостоверение капитана и, вернув документ, вздохнул, потирая ушибленную грудину:

– Ну и удар у тебя, капитан Егоров, я таким же в молодости был! Так чего узнать хотел?

Судя по интонации, полковник осознал свою неправоту и теперь был готов к конструктивному разговору. Егорова это вполне устраивало.

– Меня интересует один из ваших воспитанников, Михаил Росс. Он был отобран в агенты в сентябре сорок четвертого. Вы его помните?

– Ну почему, капитан, почему тебе нужно именно это раскапывать?

Скривившись, словно от зубной боли, Брот сплюнул на землю и с неприязнью посмотрел на Егорова. Помолчав пару секунд, спросил:

– Что натворил этот засранец?

– Сбежал, – лаконично ответил Юра и, достав из кармана перочинный ножик, начал стругать небольшой чурбачок, поднятый с земли. – Леонид Юрьевич, руководство поставило мне задачу вернуть Росса на родину. Но, начав собирать информацию, я обнаружил, что в архивах на него практически ничего нет. Вы можете прояснить ситуацию.

– На меня ты как вышел? – задумчиво покачивая головой, спросил Брот. – Через детский дом?

После утвердительного кивка, полковник поднялся на ноги и потянулся телом, выгоняя из головы остатки хмеля.

– Ты на машине, капитан?

– Стоит в ста метрах отсюда, – подтвердил Егоров. – Оставил…

– Чтобы не спугнуть, – закончил фразу Брот и направился в дом. На пороге обернулся и почесал щетину на щеках. – Обожди меня минут пять, сейчас оденусь и прокатимся. Этот разговор нужно вести в другом месте.

Ожидая полковника, Егоров задумчиво вырезал из куска дерева лицо мальчишки с фотографии и пытался представить его внешность сейчас. Лезвие постепенно освобождало из плена древесины высокий лоб, широко посаженные глаза, аккуратный, средних размеров нос. Росс был красивым мальчишкой и сейчас, в расцвете своей молодости, он явно не обделен женским вниманием. Для оперативной работы такой красавчик был не пригоден, слишком заметная внешность. Думается не в одном женском сердце отпечатался его образ.

Полковник обернулся даже быстрее обещанного. Одет в свежую гимнастерку, начищенные яловые сапоги. Приколов на грудь снятую со старого кителя Звезду Героя, одернул китель, снова превращаясь в офицера, которого уже год пытался вытравить алкоголем.

– Ты извини меня за поведение, – глухо, не глядя в глаза, сказал Брот. – Явись ты месяцем позже, может и не застал бы меня. Может быть и собрался бы с духом себе пулю в башку пустить. А так… пока принципы не позволяют…

В дороге офицеры молчали. Полковник изредка указывал на нужные повороты красноармейцу-водителю “Эмки”, а Егоров молча смотрел в окно и думал о своём. Спустя километров пятнадцать машина остановилась у покосившихся от времени деревянных ворот, обтянутых ржавой колючей проволокой.

От самого забора остались только столбы, всё остальное уже успели растащить, не боящиеся ни черта, ни Сталина, местные жители. На истёртой временем табличке с трудом проглядывалась надпись “Вх…д ст..о..о …о. проп. ам”. Оставив машину у ворот, полковник и капитан обошли их и долго шли по заросшей дороге в сторону виднеющихся вдали корпусов.

– Здесь была тренировочная площадка… стадион… площадка для рукопашного боя… тир…

Угадывая почти незаметные обычному взгляду подробности, Брот рисовал Егорову картинку бывшего учебного центра, который находился на этом месте. Чем больше он вспоминал, тем сильнее темнело его и без того осунувшееся лицо.

– Здесь были казармы.

Просторное помещение с выбитыми окнами и останками ржавых кроватей встретило гостей запахом сырого бетона и плесени. Двери были вскрыты, замки сорваны. Всё, что можно было оторвать от стен и вынести, уже давно исчезло. Вот уже несколько лет учебный центр находился в запустении. Сразу после подписания пакта о безоговорочной капитуляции Германии, программу “Красное Возмездие”, руководителем которой являлся полковник Брот, ликвидировали.

– Мне лично пришло предписание передать личные дела агентов в архив, – вспоминая события сорок пятого года, рассказывал Леонид Юрьевич. – Инструктора отозваны в управление, я наводил потом справки – несчастные случаи, болезни, шальная пуля на операции… Никого не осталось… А с меня расписку о неразглашении и в запас через пол года! Вот уже шесть лет сижу… жду! Когда же в меня прилетит шальная пуля? На гражданке почему-то не прилетает…

С трудом овладев собой, старик поднял руку, демонстрируя трясущиеся от напряжения пальцы. Пару раз сжав кулак, встряхнул рукой, приводя себя в чувство.

– Наш центр готовил юных диверсантов. С утра до вечера они здесь пахали. Мастера подрывного дела, убийцы… Мишу я нашел поздно, даже смешно получается. Собирали самых способных по всей стране, везли даже из-за Урала, а он здесь был, под боком, самый способный и безжалостный…

Присев на трухлявый подоконник, Егоров исподлобья посмотрел на ссутулившегося старика, шагающего в центре комнаты. До него доходили слухи о лагерях диверсантов, в которых готовили детей. Война отодвинула моральные

нормы в сторону. Всё для фронта, всё для победы! Но всё равно верилось в это с трудом. В голове не укладывалось – какой же надо быть сволочью, чтобы детей вот так под пули… История помнит имена многих советских героев. Дети помогали партизанам, передавали сведения, следили за объектами. Но даже в самой критической ситуации их старались оградить от смерти. А здесь, в этих стенах, их готовили идти ей навстречу.

– Росс попал ко мне в январе сорок второго, – продолжил исповедь Брот и указал на дальний угол комнаты. – Вот там он спал, рядом с Егором Мартыновым. Положение на фронте было шатким и выпускники “Красного Возмездия” погибали настолько быстро, что возрастной порог опустили с четырнадцати до двенадцати лет. Парень был сильным, психически уравновешенным и способным, очень способным. Он на лету схватывал знания по подрывному делу, психологическому воздействию и рукопашному бою. В стрельбе и владении холодным оружием ему вообще не было равных даже среди инструкторов. Уже через пол года он укладывал на лопатки всех со своего выпуска. Универсальный солдат!

Во время рассказа Брот продолжал медленно бродить по комнате, аккуратно переступая ногами по прогнившим доскам. Внезапно остановившись, он с силой ударил пяткой в пол, заставляя одну из половиц прогнуться. Попробовав вытащить её самостоятельно, не сумел и попросил помощи:

– Помоги, капитан, возраст уже не тот.

Под половицей оказалась полость заполненная мелким камнем. Аккуратно раскидав их в стороны, полковник достал жестяную коробку из-под патронов. Почистив ржавчину с запора, Егоров открыл его и обнаружил стопку фотографий, завернутых в промасленную бумагу.

– Я отправил сто восемьдесят два диверсанта на фронт, но Миша в это число не вошёл. Программу свернули за полтора месяца до его выпуска, – тяжело дыша, продолжил полковник. – Но это не значит, что он вернулся домой. Ты офицер НКВД и отлично понимаешь, что война закончилась значительно позже… Если вообще закончилась… Это всё, чем я могу помочь, капитан. – Достав из стопки фотокарточек нужную, Брот протянул её собеседнику. – Это Миша Росс, его последняя фотография перед расформированием училища.

С потемневшей от времени бумаги на Егорова смотрело выразительное лицо нордической внешности с холодными, словно лёд, глазами…

Глава 9

Обратный путь в Москву Егоров хотел проехать в тишине. Огрызнувшись на водителя, когда он спросил про полковника, Юра приказал ему заткнуться и рулить в сторону ближайшей военной комендатуры.

Всю недолгую дорогу он вспоминал последние минуты жизни Брота. Рассказав всё, что хотел знать Егоров и отдав ему фотографии, старик сказал:

– Иди… иди, капитан… – отворачивая взгляд в сторону, сказал Брот и легонько толкнул его в сторону выхода. – А я ещё тут побуду… с ребятами попрощаюсь…

Когда Егоров почти добрался до ворот, внутренний голос почти кричал о том, что это неправильно. Развернувшись, он со всех ног бросился назад, но опоздал. Когда до дверей корпуса оставалась пара десятков метров, внутри прозвучал выстрел.

Тело Леонида Юрьевича он увидел сразу. Старик лежал на том же самом месте, где они разговаривали пять минут назад, широко раскинув руки и сжимая в одной из них пистолет с еще дымящимся стволом. Всё же Брот собрался с духом и разобрался со своими страхами и совестью.

Сообщив о теле отставного полковника куда надо и отдав необходимые распоряжения, Егоров вернулся к машине. Путь капитана снова лежал а архивы НКВД и теперь он хотя бы понимал, что искать в его пыльных подвалах. “Красное Возмездие”, Михаил Росс, группенфюрер СС Йозеф Хауэр… осталось связать эти ниточки воедино и можно будет получить недостающие фрагменты картины.

В Москву Егоров попал уже поздно вечером. С трудом переборов желание ехать в архив, он отправился в свою служебную квартиру, выделенную министерством внутренней безопасности. Это была обычная коммуналка в окраине

Октябрьского района. Соседи у Юры были положительные. В основном, родственники офицеров НКВД и партийные работники низшего звена. Вопросов лишних не задавали, не воровали и на том спасибо. За три года жизни в коммуналке, Егоров толком ни с кем не познакомился, сказывался разъездной образ жизни. Иногда капитан задумывался о будущем. Хотелось бы иметь свой домик в тихом уютном месте. Чтобы речка неподалеку, банька своя, беседка под раскидистой сосной… Но это всё постоянно откладывалось на потом, и снова дела-дела…

Выспаться у Юры не получилось. Уже в парадной его поджидал посыльный из министерства. Передав письмо и получив долгожданную роспись в табеле, солдат лихо приложил руку к пилотке и, перепрыгивая через три ступеньки, ломанулся к выходу. Судя по счастливому лицу бойца, дожидался он капитана давно и был рад окончанию задания.

В письме было всего несколько строк от Кравцова Ивана Петровича, одного из главных лиц в отделе с литером “С”, в том самом, в котором служил Егоров. Именно он неделю назад дал задание вернуть пропавшего агента на родину.

“Юра, как будешь в Москве, сразу ко мне. Нигде не задерживайся, есть разговор. 12.06.1952 Кравцов И.П.”

Немного удивившись, Егоров посмотрел в сторону лестницы, по которой только что ускакал посыльный. Кравцов не прислал за ним машину, значит не планировал вызывать в управление. С другой стороны, московская квартира Кравцова находилась всего в паре кварталов отсюда, а на улице уже почти ночь. Значит, гораздо больше шансов поймать командира дома, тем более, что жена Ивана Петровича регулярно проедала плеш супругу по поводу его задержек на работе и он по возможности возвращался домой как можно скорее.

В любом случае служебную “Эмку” Егоров уже отпустил и заехать за ним она должна была только в семь утра. Со вздохом опустив ключ от комнаты в карман, он начал спускаться по лестнице, насвистывая популярную среди молодежи мелодию. В любой ситуации стоит искать плюсы, уж жена Кравцова, Антонина Сергеевна, голодным его точно не отпустит.

Путь по ночной Москве прошел без сюрпризов. Вот уже пару лет, как в столице было спокойно. Без следа исчезли грабители и ворьё, которое расплодилось за

годы войны. Хоть и стреляли их по закону военного времени, но было голодно и люди в отчаянии лезли на ту сторону закона.

Поднявшись на третий этаж старинного, построенного ещё до революции дома, Егоров постучал в знакомую дверь.

– Кто? – раздался приглушенный перегородкой женский голос.

– Антонина Сергеевна? Это Егоров Юра, Иван Петрович дома?

Лязгнул дверной запор и дверь открылась, пропуская свет на темную лестницу и на долю секунды ослепив капитана.

– Юра! Проходи! – женщина доверчиво взяла его за рукав гимнастерки и потянула внутрь. – Ваня звонил минут сорок назад, скоро приедет. Ты голодный?

Невольно стесняясь от чрезмерной суеты вокруг своей персоны, Егоров смущенно кивнул и тут же пожалел об этом. Всплеснув руками, Антонина, пока еще не старая женщина всего сорока четырех лет, засуетилась по старушечьи и начала доставать из шкафчика приготовленные к приезду мужа продукты.

– Ты проходи в столовую, – московской скороговоркой выдала жена полковника. – С дороги, наверное? Вот Ваня придёт, я ему всё скажу! Что же он подчиненных не бережёт, мало вам молодым на войне досталось? Гоняют вас, словно собак охотничьих…

– Антонина Сергеевна, может быть пока просто чаю попьём? – взмолился Юра, чувствуя как краска стыда заливает лицо, – Неудобно ужинать без хозяина.

– И то верно, – согласно кивнула женщина, – вот за что ты мне всегда нравился Юра, так это за скромность!

На примус тут же взгромоздился пузатый чайник. Пока Егоров мыл руки, Антонина постелила на стол свежую скатерть и достала из серванта красивые чашки из настоящего фарфора. Против подобных приготовлений говорить капитан ничего не стал. Он всё же гость и критиковать сервировку сейчас – значит обидеть хозяйку.

– Ты откуда сейчас? Давно дома не был? Невесту себе не завёл?

Антонина Сергеевна откровенно скучала в отсутствии мужа и задавала вопросы даже не ожидая ответа. Она понимала где служит капитан и на правду особо не рассчитывала, но Юру она знала уже давно, про него Ваня упоминал ещё в письмах с фронта. И женщина невольно относилась к парню по матерински.

От неудобных ответов Егорова избавил стук в дверь. Когда Кравцов зашёл в комнату, он радостно поздоровался и начал торопить супругу с ужином, давая Юре понять, что разговор состоится позже.

На столе появилась колбасная нарезка, гуляш и укутанная шерстяной шалью кастрюля с вареной картошкой. Во время ужина мужчины молчали, лишь изредка отвечая или комментируя сплетни, которые за день собрала Антонина. Супруга полковника была умной женщиной. Когда все поели и налили чай, она сослалась на усталость и удалилась в спальню оставив мужчин наедине.

– Давно в Москве? – закурив сигарету спросил Кравцов.

– Утром приехал…

В течении получаса Егоров дал подробный отчет о проделанной работе и дальнейших планах. Покопаться в архиве, установить связь между действующими лицами, найти новые цели Росса.

– Не нужно тебе в архив, Юра, – устало сказал Иван Петрович, – сегодня высыпайся и отдыхай. Завтра в час дня тебя самолёт ожидает.

– Не понял?

– Не переживай. Последнюю неделю ты потратил не зря. Главное – ты можешь опознать Росса. Вчера вечером я получил радиограмму из города Пайта. Это один из крупнейших портовых городов в Перу. Некий Матиас найден плавающим в портовой зоне. За день до этого в Сидней из Пайты вышел круизный лайнер, одна из пассажирок которого Элизабет Бёллер. Видишь какую-нибудь связь, Юра?

Егоров покачал головой и ответил:

– Если бы я знал, кто такая Бёллер и кто такой Матиас, то, наверное, нашёл бы некую связь. Но, увы, её пока нет.

Кравцов, усмехнувшись, рассказал:

– Элизабет Бёллер одна из беглых учёных, работавших на Аненербе. В каком отделе даже мне неизвестно, но знаю точно, что заполучить её мечтают многие. И вот удача, один из наших людей оказался в нужное время в нужном месте, в порту Пайты. Дамочка позволила себе немного расслабиться перед долгим путешествием и была опознана нашим агентом. Путешествует она под фамилией Аройни и выдает себя за гражданку Норвегии, что с её внешностью не проблема.

Кравцов достал из портфеля фотографию белокурой женщины лет тридцати-тридцати пяти. Черты лица немного грубы, тонкие губы, как и у большинства северянок, но это не лишало её привлекательности.

– Для полноты картины, нужно упомянуть купания Матиаса, ведь нашли его не полностью, кто-то разделал мулата на мелкие кусочки. Также стоит упомянуть Бёрнса Амзеля, двоюродного дядю немки. По прежнему ничего не понимаешь, Юрий Николаевич?

– Нет… – Юрка с недоумением глядел на Кравцова, пытаясь разгадать головоломку командира.

– Постоянно забываю, что ты не работаешь по Южно-Американскому направлению. Бёрнс Амзель один из беглых нацистов, в прошлом оберфюрер СС, работал в Аненербе, как и его племянница. Бежал в Южную Америку, играл в прятки, имел тесную связь с другими нацистами, не брезговал работорговлей, при этом всё делал руками того самого аборигена Матиаса и его людей. Сидел у нас на крючке последние два года, был в разработке, но не так давно его пришлось убрать из списка, потому что Миша Росс заглянул к нему в гости. Всё как с Хауэром, пытки и много крови. Работорговцы были убиты ударом кинжала в живот, все до единого, кроме самого главного, который сумел чудесным образом сбежать, а потом зачем-то полез купаться по частям в порту Пайты. Ну что, Юрка, теперь-то связь видишь?

Егоров, кивнув, принялся думать и сразу же озвучил большую часть мыслей:

– Имеем цепочку Амзель-Матиас-Бёллер. И эта цепочка, скорее всего, надета на руку Росса. Уверен, что он всё контролировал, ведь парень он совсем не простой. Предположим теоретически о наличии сексуальной связи Матиас-Бёллер и прибавим к этому смерть Амзеля и умение Росса прекрасно играть в шахматы. Получаем до смерти напуганного Матиаса, который, зная как жутко умер дядя Элизабет, побежал ей об этом рассказывать. В корыстных, конечно же, целях, думая только о своей шкуре и не допуская мысли о хвосте по имени Михаил. Корабль отчаливает из Аргентины в Австралию, абориген Матиас становится ненужным препятствием для Росса и тот его…

– Верно! – одобрительно кивнул Кравцов. – У нас появился шанс. С большой вероятностью мы знаем, где может оказаться Росс через полтора месяца, а именно в порту Сиднея. В любом случае тебе придётся отработать это направление, с пустыми руками ты не уйдешь. Даже если Росса там не окажется, ты сможешь взять Элизабет Бёллер и получить от нее новую информацию. Министерство считает приоритетной задачей поиск и возвращение в зону нашего влияния ученых Третьего Рейха, пока до них не добрались американцы. Мы и так слишком много отдали им в сорок пятом году.

– А если девушка…

– Она жива, – предвосхищая вопрос, ответил Кравцов. – Сигналов о чрезвычайных происшествиях и исчезновениях с корабля не поступало. Лайнер принадлежит англичанам и передает ежедневный отчет по радиосвязи в открытом эфире. Мы их слушаем.

Полученные сведения в какой то мере обрадовали Егорова. Вместо кропотливой работы в архивах министерства появился шанс вернуться к оперативной работе. Что ещё для счастья надо? В предвкушении встречи с Россом, капитан вернулся домой и ещё долго не мог заснуть, обдумывая новую информацию.

Глава 10

Год одна тысяча восемьсот двенадцатый, месяц июнь, день шестнадцатый от рождества Христова.

Кристофер Матуа, капеллан тринадцатой бригады легкой кавалерии армии его Императорского величества Наполеона I, пишет эти строки, дабы увековечить страдания слуги Божьего.

Приказом Императора бригада была брошена на границы Московии, край дикарей и варваров. По слухам из встреченных на пути обозов, русы не оказывают серьезного сопротивления. Передовые отряды дивизионного генерала Пино с лёгкостью подавляют сопротивление на границе, и с успехом развивают наступление. С Божьей помощью Франция закончит эту войну к осени и, возможно, ещё до сочельника Кристофер сможет услышать родные колокола Руана.

Но мечтаниям капеллана было не суждено сбыться. Четыре дня назад, во время ночного перехода, сам дьявол завёл людей в ловушку. Когда бригада пересекала небольшую речушку в землях Польши, воздух вокруг замерцал невиданными огнями. Испуганный конь понес Кристофера прямо к свету и он, покорный служитель Господа, оказался в неведомых землях. Первое, что его испугало, это беспросветная тьма. Исчез лунный свет и привычный шум множества сотоварищей с которыми они держали путь. В ужасе Матуа зажёг свечу от походной лампады и вздохнул с облегчением.

Бог не оставил его в одиночестве. В далеком краю с ним оказались почти три десятка рейтар из Императорского полка и обозная повозка с провиантом. Благодаря ей они и продержались столь долго.

Неизвестно, за что Господь послал им столь суровое испытание. Ад это, или только Чистилище. Стоило людям появиться в адском лесу, как на идущего первым в отряде всадника напала диковинная тварь и сжала его когтями настолько сильно, что кираса его не выдержала. Имя солдата Жильбер и родом он был с восточной Гаскони.

С большим трудом отряд отбился от ночного демона. Бригадир-фурьер Кюте одним ударом палаша отрубил голову чудовища, но перед этим оно успело лишить жизни семерых. Не понимая, где находятся, они всю ночь несли дежурство у обозной телеги, жгли большие костры и слышали жуткий вой и

редкие выстрелы в ночной тьме.

Лишь когда наступил рассвет, люди увидели, что попали в диковинный лес с деревьями великанами. Кроны смыкались так высоко и так плотно, что солнечный свет почти не проникал к земле, за что лесу было дано название сумеречный.

Совсем недалеко от стоянки были найдены тела павших товарищей и их лошадей. За ночь звери обглодали мёртвых очень сильно, оставив совсем немного того, что можно предать земле.

Когда Кристофер закончил молиться, его позвал Кюте, который оказался самым старшим по воинскому чину среди уцелевших. Он указал на лежащее на земле тело чудовища и приказал опознать его. Но капеллан, хоть и прилежно изучал науки при монастыре, не смог определить зверя. Ростом тварь была с крупного человека, имела длинные когтистые лапы и была хорошо развита физически. Матуа видел изображения обезьян, которые проживают на африканском континенте, но в описаниях они все были гораздо меньше и не обладали острыми, как лезвия когтями.

Кюте приказал собрать всё, что может быть полезно отряду и двигаться в сторону небольшого просвета в глубине леса. К середине дня они добрались до высокой скалы, у подножия которой и разбили лагерь. Трижды за это время отправлялся доброволец, который бы нашел следы бригады, но никто не вернулся назад. Каждую ночь у лагеря кричали жуткие твари, а днем из глубин леса доносился могучий рёв, чем то похожий на рычание медведя.

Год одна тысяча восемьсот двенадцатый, месяц июнь, день двадцать первый от рождества Христова.

Вчера утром Кристофер узрел чудо. Воздух на окраине леса засиял божьими огнями. Сидящий рядом рейтар Люмьер Тьерри вскрикнул от удивления и радости. Вскочив на своего коня, он во весь опор поскакал прямо к огням и исчез. Его фигура подернулась дымкой и растворилась в воздухе вместе с огнями, оставив только следы на земле.

Люди долго обсуждали это событие и пришли к единому мнению, что огни смогли перенести их сюда, а, значит, могут и вернуть их обратно. Капеллан,

превозмогая свою скромность и кроткий нрав, взял на себя смелость дать название сему феномену и нарек его вратами испытаний Господа. Уже гораздо позже, когда он остался один, в его голову пришла страшная мысль, что врата ведут не обратно. Вдруг этот лес лишь первый круг ада и, вступая в неведомое сияние, ты переносишься на следующий, где будут ждать ещё большие мучения?

Из-за душевных терзаний Кристофер плохо спал ночью и с грустью рассуждал о своей судьбе. Со слезами на глазах он вспоминал милые сердцу лица семьи и домочадцев, раздольные поля и луга Франции. Дорогой дневник, если тебе суждено попасть в руки человека, расскажи о нашей нелёгкой судьбе.

Год одна тысяча восемьсот двенадцатый, месяц июнь, день двадцать второй от рождества Христова.

Господь продолжает испытывать тела и дух на верность. Ближе к вечеру к лагерю приблизилось странное существо. Внешним видом оно напоминало большую крысу, только без хвоста. Чтобы отпугнуть животное, один из рейтаров выстрелил в него из мушкета и попал. Тварь громко закричала и скрылась в лесу, а через несколько минут на его крик явился настоящий демон – прямоходящий медведь, который использует передние лапы словно это руки. И они не были пустыми, в них имелось копьё, которое не было простым, например обожжённым в огне. Ровное древко, хорошо сбалансированное, завершал мощный наконечник из блестящего металла. Потрясая своим оружием, медведь рычал, будто что-то объясняя. Напуганные рейтары, Кристофер не смог остановить их, дали по медведю залп из мушкетов. Это было ошибкой, зверь напал и, орудуя копьем и лапами, начал кровавую жатву.

В отчаянии капеллан начал молиться Господу, ибо не видел способа побороть столь могущественное существо. И Господь услышал его молитвы. Когда стихли крики товарищей и наступила тишина, он почувствовал, что зверь смотрит на него. Не в силах поднять глаза, Кристофер продолжал молиться до тех пор, пока медведь не вернулся в лес.

Теперь Матуа – последний живой человек в этом проклятом месте. Он пытался похоронить тела соотечественников, но силы оставили его. С ужасом он ждал наступления ночи, понимая, что пожиратели трупов не могут не прийти…

* * *

Закрыв дневник, Михаил взглянул на лежащую рядом Элизабет.

– Откуда у тебя это?

– Этот дневник, один из немногих артефактов, которые я смогла увезти из Германии, – ответила девушка, забирая потрепанную книжку из бычьей кожи. – Его нашли в тайной библиотеке Ватикана в тридцать девятом году. Прямое доказательство того, что иной мир существует.

Перевернувшись на живот, девушка долго смотрела в глаза Росса немигающим взглядом, словно что-то пытаясь понять.

– Тело монаха было обнаружено в окрестностях Мадрида двадцать четвертого июня тысяча восемьсот двенадцатого года. Без признаков насильственной смерти, только сильно истощенное. Скорее всего он нашёл еще один портал, но организм не выдержал перехода. Матуа оказался за несколько тысяч километров от места своего исчезновения, а это значит, что порталы перемещают человека не только между мирами, но и в пространстве относительно точки входа…

Элизабет ещё что-то говорила с горящими, словно у церковного фанатика, глазами, но Михаил её не слушал. Перед глазами стоял образ испуганного монаха, оказавшегося один на один с жестоким и неизвестным ему миром. Прямоходящий медведь – вот что самое удивительное в том рассказе, который, конечно же, до нынешнего времени в оригинале не дожил. А будучи переписанным считаться полной правдой он не может.

– Что ты думаешь по поводу медведя с копьём? Если монах не ошибся, то, получается, это был представитель разумной жизни иного мира, который пытался выйти на контакт с пришельцами, которыми он видел французов.

Элизабет, улыбнувшись, ответила:

– Много людей цеплялись именно за эти строки, но, увы, их подтверждения так и не нашлось. Возможно, кто-то просто решил добавить в историю немного

красочности, когда переписывал её. Человек единственное разумное существо, теперь обитающее на двух планетах. Разумные медведи просто не имеют право на существование, таково моё мнение.

– Хорошо. Спасибо. – отложив дневник в сторону, Михаил закрыл глаза и прошептал: – А теперь мы будем спать, фрау Бёллер…

Глава 11

Шестиметровая волна вздыбилась перед носом корабля и распалась на мелкие брызги, заливая палубу. “Академик Чкалов” был одним из самых современных советских судов, подготовленных для работы в самых экстремальных условиях. Корабль отправлялся в экспедицию на южный полюс. Смена состава полярной станции, доставка провианта, вывоз добытых образцов.

За время путешествия Юра услышал много историй о холодном неизведанном человеком мире. О бескрайних ледяных пустынях, настолько холодных, что кровь замерзает в венах. О многотысячных стаях пингвинов, живущих в вечной мерзлоте.

Обитателей этого мира Егоров никогда не видел и иногда жалел о том, что его путешествие с этими отважными советскими учёными закончится в Сиднее. Впрочем, в Австралии он тоже никогда не бывал. Континент, населенный диковинными существами, подобных которым нет больше ни на одно материке… Одни кенгуру чего стоят!

Впрочем, долго находиться в Сиднее Егоров тоже не планировал. Через два дня после прибытия лайнера с Элизабет Бёллер оттуда отплывал советский сухогруз, он же должен был доставить капитана на родину.

– Как у вас с английским, Юрий Николаевич? – спросил Егорова капитан корабля, когда тот в очередной раз вошёл на корабельный мостик. Ему нравилось проводить здесь время, наблюдая как волны разбиваются о чудо инженерной мысли советского человека. – Через пару дней мы прибудем в Сидней, а там русский не понимают.

– I don't think I will have any problems with it, – улыбнулся Егоров и капитан корабля одобрительно зацокал языком.

– Хорошие у вас учителя были, Юра. Если не секрет, откуда такой чистый английский?

– После войны служил в западной Германии, по линии контактов с союзниками. Там и натренировался.

– Добро! – хмыкнул в густую бороду капитан, но сделал вид, что поверил. Ради простого военного советника для австралийского консула выход корабля на шестнадцать часов не задерживают.

Почти за сутки Егоров пересек территорию советского союза. Вылетев из Москвы, приземлился на дозаправку в Казани, потом Свердловск, военный аэродром под Омском, дальше каких то территориальных ориентиров Юра не видел, да и не хотел видеть. Кравцов проложил его маршрут до самого Владивостока и от капитана требовалось просто переходить из одного самолета в другой при посадке.

– Это твоя невеста? Красивая!

Любопытный капитан заглянул через плечо в фотографию, которую держал в руках Егоров. Иногда он доставал ее из кармана и долго изучал, запоминая каждую чёрточку на её лице. Невнятно ответив, Юра кивнул и убрал фотокарточку в карман. Лицо девушки всё равно стояло перед глазами и навевало давно забытые воспоминания.

* * *

– Егоров со мной! Лисицкий, Стасюк и Батыров с заднего входа, – свистящим шёпотом раздавал указания тогда ещё майор Кравцов.

Это был август одна тысяча девятьсот сорок пятого года. Война закончилась. Советский народ праздновал победу, матери встречали вернувшихся с войны сыновей, в разрушенных городах начали вестись первые восстановительные работы. И никто не видел скрытого мира, в котором жили солдаты и офицеры

доблестного НКВД.

Германия сдалась, фашизм был повержен, но не исчез с тела планеты. Среди стыдливо прячущих глаза немцев осталось много последователей Гитлера, для которых борьба только начиналась.

Агентурная разведка вывела группу Кравцова на невзрачный домик в пригороде Вюрцбурга. В дом постоянно заходили разные люди, а в окнах, даже глубокой ночью, продолжал гореть свет. Слежка велась уже две недели. За это время к дому трижды подъезжал грузовик и в него заносились продукты. В основном мешки с крупами и мукой, которые были настоящим дефицитом в послевоенной Германии. Но даже не это смутило разведку НКВД, мелкими спекулянтами и торгашами успешно занималась армейская разведка и военная полиция. Смущали не сами продукты, а их количество…

Группа Кравцова была небольшой, но слаженной. Егоров отличный стрелок и мастер рукопашного боя, якутский богатырь Батыров был мускулами отряда и забрал на себя роль полевого медика. Улыбчивый задира Стасюк отлично разбирался во взрывном деле, до войны он работал в шахтах Донбасса. Молчаливый и жилистый Лисицкий был первоклассным бегуном и снайпером.

– Заходим!

С командой раздался взрыв миниатюрной толовой шашки и тяжелая дверь из дуба раскололась надвое, пропуская штурмующих внутрь.

В тёмном проёме появилась рослая фигура немца, сбитая с ног ударом Кравцова, но майор тут же нырнул назад укрываясь от автоматной очереди. Спустя секунду Шмайсеру в глубине дома начали отрывисто подпевать пистолеты.

– Всё-таки прав, – зло подумал Егоров, рефлекторно вжимая голову в плечи от осыпавшихся на голову кусков штукатурки и древесной щепы. – Непростой домик!

Гранат с собой не было. Кравцов запретил брать, нужно было захватить хотя бы пару пленных живыми.

– Ждём, – словно читая мысли Егорова, одними губами прошептал Кравцов.

Через секунду раздался новый взрыв и стрелки переключили внимание на заднюю дверь давая возможность действовать первой группе. Молнией метнувшись к ближайшему врагу, майор выбил пистолет из его рук и ударил наотмашь, опрокидывая соперника на спины товарищей. Юре лишь оставалось оглушить потерявших равновесие фрицев и не дать им продолжить огонь. Спустя ещё секунду в комнату ворвались злые бойцы второй группы и щедро раздали тумаки пленным.

– Они нужны живыми, – глухо зарычал командир, приводя бойцов в чувство. – Вяжите их, а не убивайте!

Не отвлекаясь на поверженных немцев, Егоров проверил две оставшиеся комнаты в доме. Пусто.

– Я не понимаю…

– Я тоже, – всё ещё тяжело дыша после схватки, ответил Кравцов. – Их всего четверо. Где все мешки с продуктами, которые сюда привозили в течении недели?

– Подвал!

Догадка возникла одновременно. Хорошо замаскированный люк оказался в одной из спален под ковриком. Первым пошел Егоров. Луч фонаря выхватил небольшое помещение пять на пять метров, в центре которого на деревянном настиле лежало несколько мешков с крупой и большая корзина с яйцами.

– Нет, всё равно не сходится, – покачал головой Кравцов. – Или эти четверо жрут не переставая, или есть ещё скрытые помещения.

– Точно есть, – подтвердил Батыров, – они только за прошлую неделю сюда столько жратвы притащили, что этим рота питаться сможет.

– Ищем, – коротко скомандовал Кравцов.

Через пол часа Стасюк заметил движение воздуха за лестницей, ведущей в подвал. Механизм отпирания двери работал только при закрытом люке. Тогда лестница двигалась в сторону и в стене срабатывала замаскированная задвижка. Умно придумано. Человек, даже если полезет в подвал, всегда оставляет люк открытым. Психология!

– Нужно вызывать подмогу, товарищ майор, – с сомнением в голосе, сказал Батыров, осматривая широкий и очень длинный коридор, скрывающийся за дверью. – Мы только дом штурмовать собирались… А тут… даже не знаю, как назвать.

– И народу там… – подал голос Лисицкий. – Реально рота, не меньше.

Парни не были трусливого десятка, в СМЕРШ таких не берут. Но и дураков там не жаловали. Стратегия, тактика, трезвый расчёт – вот основы успеха контрразведчиков. Кравцов понимал, что парни правы, но видел и другую сторону монеты.

– Явку мы вскрыли и будем надеяться, что сигнал тревоги они подать не успели. Но и уйти просто так не можем, у логова может быть несколько выходов, – после недолгих раздумий, ответил майор. – Лисицкий, пулей в отдел, вызывай подкрепление. Можешь вломиться в любой дом с телефоном, если это ускорит выполнение задания. Стасюк остается охранять пленников и контролирует вход. Если кто то высунется кроме нас – стреляй на поражение. Егоров и Батыров со мной.

Чувствуя заварушку, бойцы забрали запасные патроны у Лисицкого и Стасюка. Последний оставил себе трофейный Шмайсер и пистолет.

– А вот сейчас бы гранаты не помешали, – тихо и с укором в голосе прошептал Батыров.

Кравцов молча зыркнул в его сторону и лейтенант отвел глаза. Кто же знал, что так будет? Знал бы где упадёшь, соломки бы постелил…

Коридор тянулся метров на триста, не меньше. В конце был тупик и деревянная дверь, обитая железными полосами.

– Ничего не видно, – сказал Батыров, со вздохом пытаясь найти щель в плотно подогнанных досках. – Добротная дверь.

– Зато слышно хорошо, – ответил Егоров.

Из-за двери действительно доносилась приглушенная преградой немецкая речь. Слов не разобрать, но интонации спокойные. Контрразведчикам в который раз повезло, атаку на дом они провели действительно чисто.

– Есть два варианта, – глухо прошептал Кравцов, намеренно “глотая” свистящие буквы в словах. – Или ждём здесь, или идём внутрь. На этот раз тихо зайти не получится.

– Тревоги пока нет, идти не вижу смысла, – твердо ответил Юра. – Нужно ждать подкрепление.

– Булат?

– Согласен с лейтенантом, никуда они от нас не денутся.

– Решение верное, – кивнул Кравцов и прикрутил яркость фонарика до минимума для экономии аккумулятора. – Будем ждать.

Ждать пришлось не долго. Спустя пол часа в глубине коридора появился тусклый свет. Вынырнув из темноты, Стасюк припал на одно колено, восстанавливая дыхание.

– Какого черты ты оставил пост? – зашипел Кравцов. – Что-то случилось?

– К дому… машина подъехала на разгрузку очередная… я их того… без шума снял… ух! – вытирая пот со лба, ответил Стасюк. – Мешок один вскрыл, а там в пшено закопано это…

Свет фонарика выхватил продолговатую капсулу, лежащую на ладони бойца. На плотно запечатанной сургучом крышке надпись на немецком. Не веря глазам, Егоров несколько раз перечитал надпись.

– Циклон Б… это что, тот самый?

Название самого знаменитого орудия казни в газовых камерах Третьего Рейха было на слуху у всех офицеров НКВД. Серебристые гранулы можно просто рассыпать в помещении и они в течении нескольких дней будут выделять в воздух пары сильнейшего яда – синильной кислоты, от которой будет беззащитно не только население, но и армия. Сначала появляется першение в горле, кашель, а когда концентрация яда в теле достигает оптимального значения, человек просто задыхается и в судорогах умирает мучительной смертью.

– Много там? – глухо спросил Кравцов.

– В мешке нашел с десяток таких, – ответил Стасюк.

– Они же это сюда грузовиками завозили. – Егоров с ненавистью посмотрел на дверь. – Там же этого… целые тонны могут лежать!

– И в любой момент эта зараза может оказаться на улицах города, – подытожил Стасюк. – Только я это, по другому поводу прибежал.

– Какому?

– Ну я подумал, что раз машина приехала, то ее должны разгрузить и потом отсюда придут груз забирать…

Словно подтверждая слова сапера, за дверью загрохотала тележка и раздался звук открываемого засова. Рука Егорова рефлекторно потянулась к ножу, торчащему из голенища сапога.

– Без стрельбы, – за секунду до открытия двери прошипел Кравцов.

Юра молнией метнулся в расширяющийся проем. Лезвие со свистом вспороло воздух и глотку ближайшего фашиста. Вернув оружие и оттолкнувшись от поверженной жертвы, Егоров, закручивая тело в воздухе, воткнул нож в висок второго немца, держащего тележку. Собираясь рвануть к третьему врагу, он понял, что можно выдохнуть, потому что к работе подключился богатырь Булат.

Словно тараном он ударил в грудь последнего фрица, выбив из того дух. Широкая, словно лопата, ладонь сомкнулась на горле и в наступившей тишине раздался тихий булькающий хрип.

– Чисто! – прошептал Егоров, очищая оружие от крови.

Коридор, в который столь великодушно впустили бойцов лежащие на полу фрицы, был шире и имел стационарное освещение. Под одним из фонарей обнаружилась табличка с несколькими надписями.

– “Arsenal” и “Wissenschaftliche Abteilung”… не могу перевести, – нахмурился Юра, вспоминая смутно знакомое слово.

– Научный отдел, – помог майор и указал на следы тележки на песчаном полу. – Эти двое прикатили её с этого направления.

Дальше группа снова разделилась. Форма немцев была наспех очищена от крови и использована по назначению. Булатов, на широкие плечи которого не налез ни один китель, остался за дверью на подстраховке. Стасюк переоделся в часового и продолжил имитировать спокойное дежурство. Самое сложное досталось Егорову и Кравцову. Им предстояло вернуться с тележкой в подвал, загрузиться там несколькими мешками с лежащего в центре подвала поддона и проникнуть вглубь базы. Освещение в коридорах оставляло желать лучшего, поэтому можно было надеяться, что вглядываться в лица никто не будет.

– Готов? – Кравцов подмигнул товарищу.

– Всегда готов! – улыбнулся Юра и начал толкать тележку в глубину коридора.

Размеры подземной базы впечатляли. Спустя сотню шагов каменная кладка на стенах сменилась природным песчаником. Для создания скрытого убежища немцы использовали естественные пещеры, о существовании которых никто не знал. Оставалось только догадываться об истинных размерах подземного лабиринта. Кое-где пол коридора резко уходил вниз, повторяя изгибы пещеры. В этих местах были установлены деревянные ступени с откатами для тележки.

Спустя еще десять минут Егоров начал терять счёт расстоянию. По его внутреннему компасу они уже прошли не менее километра, а каких-либо препятствий так и не появилось. Когда была пройдена ещё пара сотен метров, Кравцов дал команду остановиться и замер, пытаясь к чему-то прислушаться.

– Впереди голоса, – спустя тридцать секунд сообщил Егоров, слух которого оказался острее. – Едва слышно, но ошибка исключена.

– Подбираемся максимально близко и вырубаем. Оружие используем в крайнем случае. – Майор указал на мешки. – Ты ведь понимаешь, что будет если пуля пробьет хоть один контейнер?

Кивнув, Егоров налег на ручку тележки…

Громкий скрип и дребезжание колес известило часовых о появлении разведчиков гораздо раньше, чем они вышли из полутьмы. Ожидая их появления, один из немцев даже не изменил позы сидя на табурете, зато второй засмеялся и громко спросил по немецки:

– Эрих! Что вы так долго? Клаус уже дважды интересовался вашим возвращением. Он пытался связаться с Олафом, но они не отвечают на телефон. Наверняка опять рядом русские…

Егоров глухо закашлялся и стал стучать кулаком в грудь, оттягивая момент ответа. За эти несколько секунд тележка сократила расстояние между ними до пятнадцати метров…

– Эрих, с тобой все хорошо? – с тревогой в голосе поинтересовался часовой и привстал с табурета. – Сырость пещер убивает нас, сегодня вечером я угощу тебя горячим шнапсом. Продирает до слёз, но зато выводит болезнь из тела…

Еще минус пять метров. Кравцов, перехватив трофейный шмайсер, помогает толкать телегу, придавая ей дополнительное ускорение.

– Вы чего? Осторожней! – подавшись вперед, болтливый часовой упирается в передний край тележки руками и тормозит её у самой двери. – Профессор Шойс просил быть аккуратным с грузом… Эй, а чего вы мешки притащили?

Подняв глаза, он посмотрел прямо на Егорова. Негодование на лице сменило удивление, а затем пришел испуг. Выбросив вперед руку, Юра дотянулся кончиком ножа до горла фашиста. Майор в два прыжка добрался до второго часового и обрушил приклад на голову ничего не понимающего немца.

– Идем дальше? – спросил Егоров, когда они отдышались после боя.

– Профессор Шойс ждет, – согласно кивнул Кравцов. – Негоже старика огорчать…

Последнее решение было ошибкой. Как только майор открыл дверь, то столкнулся нос к носу с очередным обитателем подземного бункера. Голубоглазый великан умер недостаточно быстро и случайным выстрелом успел поднять тревогу.

Крики тревоги и стрельба раздались сразу с нескольких направлений. Разведчикам пришлось отступить в коридор.

– Нас тут как мышей передавят, – зло процедил майор, глядя как от двери отлетают щепки. – Возвращаемся!

Сколько длился бой Егоров не запомнил. Превратившись из охотников в добычу, они отступали, потом стреляли и снова меняли позицию, постепенно возвращаясь ко входу в бункер. В какой то момент выстрелы начали звучать со всех сторон. Вжимаясь в углубления в стенах пещеры, Юра мысленно попрощался с жизнью.

– Ура-а! Ур-р-ра!

Грозный клич красноармейцев эхом отразился от сводов пещеры. На секунду стало тихо и воздух наполнился стрёкотом ППШ (Пистолет-пулемет Шпагина). Мимо ошеломлённых разведчиков пробежали штурмовики СМЕРШа с металлическими щитами в руках.

– Ур-ра! – подхватил Егоров. Не чувствуя боли и усталости, он вскочил на ноги и устремился вслед за красноармейцами. – Товарищ капитан, ур-а-а!

Лисицкий не подвёл и помощь подоспела вовремя. Захват лаборатории произошел настолько быстро, что немцы ничего не успели уничтожить. Ворвавшись в самое сердце фашистского бункера, Юра оторопело замер. Всюду лежали трупы. На телах не было пулевых отверстий, у некоторых изо рта шла пена. В воздухе висел тяжелый запах горького миндаля.

– Назад! – срывающимся от волнения голосом крикнул Кравцов и потащил Егорова за собой в темноту коридора. – Немедленно покинуть помещение!

В последний момент взгляд Егорова упал на лицо молодой немки, обезображенное судорогой. Еще живая, она с ненавистью смотрела в его глаза.

* * *

Достав из нагрудного кармана фотографию, Юра в тысячный раз посмотрел на лицо Элизабет. Похожа. Похожа, но точно не она. Та женщина умерла ужасной смертью, когда сумасшедший профессор Шойс выпустил на волю Циклон Б…

Глава 12

Истосковавшиеся по солнечному свету пассажиры высыпали на палубу корабля, как только это позволила погода. В их числе были и Михаил с Элизабет. Лайнер попал в зону тропического муссона и целую неделю небо низвергало потоки дождя, не давая ни малейшей передышки обитателям судна.

Вырвавшись из плена каюты, молодая пара степенно прогуливалась вдоль борта, наслаждаясь свежим воздухом и криками сопровождающих корабль чаек.

– Помощник капитана сказал, что уже совсем скоро можно будет увидеть землю, – мечтательно прошептала девушка, с нетерпением вглядываясь в размытую линию горизонта. – Как же хочется почувствовать под ногами твердь материка…

Мечтания Элизабет прервал громкий плач мальчишки лет двенадцати, который исступленно топал башмачками по палубе, пытаясь привлечь к себе внимание. Его родители, с виду выходцы из Канады или Британии, смущенно наблюдали за бунтующим отпрыском, пряча глаза от окружающих.

– Эдвард Гомер младший, я настаиваю… – строгий голос матери утонул в очередном вопле мальчишки.

– Я хочу на землю, я больше не могу-у…

Отец опустился на колено перед сыном и, взяв его за плечи, строго посмотрел в глаза:

– Эдвард, мы все устали. Нам с матерью не легче. Я предлагаю тебе сделку. Если ты перестанешь вести себя словно девчонка, я всерьёз подумаю о приобретении тебе кенгуру, о котором ты так мечтал.

Судя по мгновенно высохшим слезам на глазах мальчишки, отец попал точно в цель. Элизабет тут же потеряла интерес к происходящему, а Михаил неопределенно хмыкнул, вспоминая свою первую сделку. Было это десять лет назад…

Зима тысяча девятьсот сорок второго года выдалась особенно сложной для Антошки. Мама не пережила её, умерев от воспаления лёгких. Его, десятилетнего мальчишку, и старшую сестру, четырнадцатилетнюю Машу, взялся воспитывать двоюродный дядя.

Валерка жил у товарища и был очень рад смерти сестры Алёны. Решилась главная проблема – жильё. Теперь у него есть добротный дом в подмосковье, а ещё – есть два племянника, которых ему придётся усыновить, потому что их отец сгинул при обороне Москвы ещё в сорок первом.

Потерявший ногу из-за гангрены в местах не столь отдалённых, Валера не был призван на войну, чему очень радовался. Свою судьбу он видел ужасной, быстро спивался, но судьба решила сжалиться над ним и послала подарок в виде свалившегося на голову наследства. Дети, конечно же, не обрадовались появлению дяди, но их никто не спрашивал.

Для Антошки жизнь с дядей стала настоящей каторгой. Он и сестра должны были побираться, чтобы прокормить и себя, и поселившегося родственника. Но для десятилетнего мальчика было самым страшным не это. Больше всего его пугали крики сестры, когда Валера закрывался с ней в комнате. Мальчишка знал, что там происходит, и однажды даже пытался вмешаться, за что чуть не поплатился жизнью.

В итоге всё стало ещё хуже, в доме стали появляться дядины друзья, а Машу прекратили пускать на улицу и даже запретили ей разговаривать с братом.

Убежать как можно дальше – об этом они договорились тайком, но ничего не вышло, дядя поймал Машу, а затем кто-то из его друзей принёс цепь со специальной застежкой и сестру пристегнули за ногу к кровати замком. Антошке пришлось бежать одному, потому что в противном случае его бы просто убили.

* * *

Мишка сидел на лавочке и смотрел на звёзды. Он думал о войне и пытался понять, зачем люди убивают друг друга? Чего им не хватает на этой планете? Что подталкивает их к столь жестоким действиям по отношению к себе подобным? Ответов найти двенадцатилетний Росс не мог. Пытался, но раздумья прервало шуршание валенок по утоптанному снегу.

По одному лишь дыханию Росс узнал Кольку. Его всегда выдавало чрезмерно тяжелое дыхание, сказывалась врожденная болезнь сердца, пареньку всегда приходилось дышать намного глубже остальных людей.

– Что тебе, Коль? – спросил Миша, всё так же глядя в небо.

– А? А, как ты? А, понятно! А, забыл я, какой ты наблюдательный, Мишань! А, это, поговорить надо!

Колька всегда такой, пуглив как заяц, и дышать ещё сильнее начинает. А ещё очень любит первую букву алфавита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/sharipov_nikita/inoy-mir-nachalo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити